

КОСТЁР

10 ОКТЯБРЬ 1976

29 ОКТЯБРЯ— ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

На обложке
рисунок О. Филипенко
„Комсомольцы“

КОСТЁР

10

ОКТЯБРЬ

1976

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1976 г.

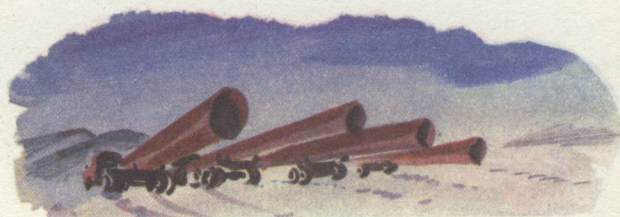
ХОЛОД И ЖАР ТУНДРЫ

В этом номере много рассказов о Севере.

В тундру пришли упрямые люди. Сплошными преградами встретило их Заполярье: буранами и бездорожьем, вечной мерзлотой и мраком полярной ночи. Как покорить этот студёный край, где нормальная жизнь еще в начале века считалась невозможной? Как овладеть его богатствами, которые веками были неприступны?

«У нас есть надежная техника», — ответит вам каждый из тех, кто идет в разведку за нефтью и газом. И только? Но ведь в суровых условиях Севера эту технику надо заставить работать, надо уметь управлять современными машинами. Значит, нужны также знания и мастерство. А сколько мужества и настойчивости требует обычная рабочая вахта от каждого из них!

Вглядитесь в лица этих людей, которых фотокорреспондент застал на рабочих местах. С уверенностью несет вахту у сложной бурильной установки помощник бурильщика Виктор Парфенов. Деловито вызывает на связь Большую землю радистка экспедиции Дуся Хатанзейская. Бригада занята монтажом очередной вышки. Обычные будни, привычное дело, а ведь это Север, тот самый, где жизнь считалась невозможной.

НЕФТЬ САМОТЛОРА

Каждому городу нефть нужна,
Не каждый ее добывает.
Земля Самотлора нефтью полна,
Нефть Самотлора всем помогает.

Раньше были здесь болота,
Раньше здесь была тайга,
А теперь кипит работа —
Люди строят города.

Ставят вышки буровые,
Ставят новые дома.
В этой местности впервые
Люди строят города.

*Юлия Сергунина,
4 класс, город Нижневартовск
Тюменской области*

Рисунки И. Латинского

Владимир АРРО
Рисунки
О. Зуева

В ГОСТЯХ У ГАГИ

НЕ СРАЗУ РАЗБЕРЕШЬСЯ

Тем, кто не любит ложиться спать, прямой смысл побывать летом за Полярным кругом. Мы это в Кандалакше хорошо поняли. Там такая путаница наступает, что даже местные жители иногда вскрикивают: ой, а что сейчас, ночь или день?

Вроде бы ночь, а на улице вдруг запоет радиола, или пенсионер выйдет во двор — цветочную рассаду высаживать, или девушка сядет на садовую скамью и читает.

Солнце-то в июне не заходит, висит над морем раскаленным блином и все путает. И стоит над Кандалакшей один сплош-

ной, ясноглазый, неутомимый — день, день, день.

Там и с временами года не так, как у нас. Вот, скажем, приехали мы в Кандалакшу семнадцатого июня. Мы еще в поезде узнали, что по фенологическому календарю в этот день начинается лето. А потом смотрим — ветер дует, зябко черемуха цветет, вода в море ледяная, да еще мальчишка попался в старых валенках. Вот и выходит: называется ночь, а вовсе не ночь, называется лето, а совсем не лето...

Но когда поживешь немного в Кандалакше, присмотришься, начинаешь понимать, что это не путаница, а такой порядок. И люди к нему приспособ-

бились, привыкли. Звучат, например, по радио несколько раз в день такие объявления: «Товарищи родители, в пионерлагерь «Северные зори» Владимирской области дети прибыли благополучно, все здоровы». Или: «Поезд с детьми в пионерские лагеря Южного берега Крыма отправляется по расписанию». Кто после этого скажет, что лето задерживается? Началось лето!

НЕМНОГО ПОДОЖДИТЕ

Кандалакша знаменита своим заповедником. А заповедник знаменит своей замечательной птицей гагой.

Ученые заповедника следят чуть не за каждым гагачьим движением. Они наблюдают этих птиц с суши, с воды, с воздуха (то есть самолета). Больше того, они ставят возле гагачьих гнезд специальные приборы. Зато теперь могут ответить на любой ваш вопрос.

— Когда они прилетают на острова?

— Каждый год в одни и те же числа: между пятым и десятым мая.

— Самка называется гага. А как же тогда называть самца?

— Что за вопрос, естественно — гагун.

— Как они весной выглядят?

— Замечательно. У самца жениха черно-белый костюм с розовато-желто-зеленым оттенком. У невесты — скромное платье в каштаново-коричневую крапинку.

— Как они кричат?

— Гагуны протяжно и смело: агуу.. агуу... агхуу... А самки им отвечают нежно и чуть хрипловато: гаг... гаг... коррр...

— Нет, сейчас рано. Сейчас они выводят птенцов и волноваться им вредно.

ХИТРАЯ И, КОНЕЧНО, РЫЖАЯ ЛИСА

Во дворе управления заповедником в большой прочной клетке жила старая рыжая и очень хитрая лиса. Когда мы пытались заглянуть в ее глаза и разгадать, в чем же ее хитрость, она делала вид, будто нас не замечает. В углу клетки валялись куски какого-то мяса, но она делала вид, что сыта. Но самая главная ее хитрость была не в этом. Она думала, мы не понимаем, а мы понимали. Больше всего на свете старая плутовка хотела в этот момент выпить гагачьих яиц и закусить молодой гагачатиной.

Она вспоминала, как в прошлом году, в самую зимнюю стужу спустилась на лед и пошла к дальнему острову, куда весной, как она знала,

песец, выдра, горностаи, россомаха, водяная крыса, крупные чайки, ворон, орлан-белохвост, белая сова, ястреб-тетеревятник, сокол. Каждый стремится что-нибудь ухватить: либо яйцо, либо птенца, либо саму гагу.

Но человек всеми силами ее защищает, потому что птица эта мало того что красивая, она еще очень ценная, для человека полезная. Польза, как вы понимаете, — гагачий пух, самый теплый и легкий в мире.

ПОСАДКА НА „ЛЮРИК“

Все эти дни между управлением и островами велись по рации переговоры. Между многочисленными хозяйственно-бытовыми вопросами — и что горячее на исходе, и что у одной студентки-практикантки болит зуб, и когда катер на остров пойдет, — между всеми этими разговорами решался и главный вопрос: не пора?

— Они что же, и летают и плавают?

— Конечно, как все утки. Гаги — быстроходные ныряльщики, они погружаются в море на глубину до двадцати метров. А летают со скоростью пятьдесят километров в час.

— Что же они едят?

— Гаммарусов и баянусов. Ну, и, конечно, мидий.

— А это кто такие?

— Моллюски. Гага отдирает их от камней и заглатывает прямо с домиком, то есть с раковинной. Рацион — триста граммов в день.

— А можно посмотреть на ваших гаг?

должны были прилететь гаги. И вот она сидела на острове, промышляя случайную пищу, почти голодая, во имя будущей сытости. Весною, когда лед растаял и вокруг засверкала вода, она еще раз похвалила себя за хитрость и облизнулась.

Но однажды, еще до прилета гаг, к острову причалила лодка. Из нее вышли люди с ружьями и собаками. Лиса металась, а когда собаки с визгливым лаем бросились ей вдогонку, она поняла, что пропала. Люди не убили лису, а поймали и привезли в музей.

У гаги даже на заповедных островах много врагов: лиса,

И однажды наблюдатели с островов ответили: пора! Это означало, что массовый выход птенцов из гнезд в море закончился и можно приступать к сбору пуха.

Получив наконец специальные пропуска для посещения островов, мы рано утром оказались на причале. Тут стояло научное судно по имени «Люрик». Чтобы потом не возвращаться к этому вопросу, скажу сразу, что люрик, чистик и тупик — три птицы из семейства чистиковых. Ученый совет заповедника решил назвать три однотипных судна их именами.

Так вот, «Люрик» был размером со средний грузовик. Однако у него было все, что положено иметь судну: рубка, машинное отделение, кубрик, палуба и так далее. Была и труба. Из трубы шел дым, поскольку в кубрике топились печка, на которой грелся чайник. Моторист Николай Павлович осматривал машинное отделение.

Вдруг с пригорка побежалопокатилось-запрыгало сразу много ребят, человек тридцать. И все — на «Люрик».

— А дети-то зачем? — спросили мы у Николая Павловича.

— Как же, главные сборщики пуха. А ну-ка, дети, рассаживайтесь по обоим бортам, а то, видите, судно накренилось.

Позже всех с пригорка скатился ученик четвертого класса Ивашов Игорь. Он скатился с пригорка с диким ревом.

— Возьмите!.. — ревел он и размазывал горячую слезу по щекам и подбородку.

— Мал еще! — отвечал командир десанта Миша Дорофеев.

— Да, мал... — всхлипывал Игорь. — Гага когда своих птенцов в море выводит... На второй день... А мне уже десять лет, это что, мало?..

Ну, короче говоря, после небольшой перебранки его взяли. Когда на борт взошел капитан Василий Дмитриевич Виноградов, команда была укомплектована.

Работники управления пожелали нам «ни пуха ни пера», и мы отчалили.

ДЕСАНТ НА ОСТРОВ

Мы высадились на каменистом, покрытом невысоким лесом острове Овечьем. Потребованные крачки, кулики-сороки

и чайки, разноголосо крича, носились над нашими головами.

Сотрудница заповедника Анна Лаврентьевна выстраивала нас в цепь.

— Ребята!—говорила она.— Вот так и пойдете, цепью. Нам нужно «прочесать» остров, не пропустив ни одного гнезда. Потому что наша задача не только собрать пух из гнезд, но и сосчитать, сколько их на острове — это очень важно для науки. Как только увидите гнездо, сразу говорите учетчику. Скорлупу яичную увидите, тоже говорите. Но если заметите гагу на гнезде — обойдите стороной, не тревожьте.

И мы, пригибая головы, полезли под кусты и деревья. Но уже через пять минут на острове поднялся ужасный крик. Оказалось, что все друг друга потеряли. Пришлось снова собираться и выстраиваться в цепь...

Ничего, освоили. Вскоре со всех концов только и слышалось: гнездо! разбитая скорлупа! гнездо!

Я тоже нашел несколько пустых гнезд. Они лежали, казалось бы, в самых неудобных местах, между большими камнями, под еловыми лапами, и были похожи на большие перевернутые шапки. Дно гнезда выстилала мягкая дымчатая подкладка. Это был пух, перемешанный с травой, сучками, хвоей, сухими ягодами. Гага, прежде чем положить сюда яйца, выщипывала его клювом из своей грудки. Теперь здесь лежала острорасколотая с рваной сухой пленкой бледно-зеленая скорлупа.

Я оглянулся и подумал: как же они отсюда выходили? Ведь на пути к морю было метров двести буреломного леса. А потом еще столько же каменисто-

го берега. Добрались ли до моря тонконогие, едва обсохнувшие пуховички?

...Потом мы прошли остров Еловый, потом Березовый. Над нашим «Люриком» реяли чистики и тупики. Иногда в низком тяжелом полете, почти касаясь воды, пролетали беспечные гагуны. А на волнах, то скрываясь из виду, то возникая на гребне, качались исполненные достоинства гаги. В одиночку, что ли, они? А где же потомство? Да вот же они, в кильватере, серые шарики, прямо как дробь, сразу и не увидишь. Ныряют, гоняются за какой-то мелочью, потом догоняют маму. Ничего, месяца через три вырастут во взрослых птиц, взлетят, как говорят, подымутся на крыло.

Наш десант обнаружил на трех островах двести покинутых гнезд. В прошлом году их было только сто сорок. Значит, гаге тут нравится.

ПУХ

А где же гагачий пух? Вот он! На борту «Люрика» идет сдача добытого сырца. Из полиэтиленовых мешочков его пересыпают в бумажный куль. Он, когда наполнился, стал высотой, пожалуй, с Игоря Ивашова. Если так дело пойдет, то пуха порядочно соберется — впереди ведь еще десять дней, десятки островов.

А пока складывали — картошка поспела. Расстелили на палубе газеты — ковер не ковер, стол не стол, одним словом, скатерть-самобранка. Сам клади, сам бери. Едят, кричат, веселятся. А чего же, работа сделана — имеют право.

Будет теперь самая теплая одежда для полярников, альпинистов и геологов.

ТАПСА-НЭ

РАССКАЗ

Ю. АФАНАСЬЕВ

Рисунки В. Топкова

Жаль, что в оленеводческой избушке не было геолога Федора! Тапса-нэ так спешил рассказать, как принимали его в пионеры. Гнал оленей по рыхлому весеннему снегу, совсем они выдохлись, стоят, высунув распаренные языки, от которых клубятся теплые облачка. А бабушку ни-сколечко не удивил новый шелковый галстук. Все оленеводы подвязывают летом косынки: красные, синие или белые — от гнуса. И бабушка накрыла лицо цветастым длинным платком, копошится около железной печки. Ей главное — к вечеру успеть приготовить

ужин для оленеводов. Километрах в трех от избушки стоит несколько чумов, все оленеводы круглосуточно пасут там стада.

Тапса-нэ ходит из угла в угол. Ой как скучно, когда не с кем разделить свою радость! На улице кружит мягкая поземка. Буровая вышка совсем недалеко от избушки, там работает Федор — комсомолец. В школе он часто у ребят бывает, но дружит только с Тапса-нэ.

На стене висит гитара Федора, значит, должен приехать. Любят оленеводы слушать его песни. Дедушка называет гитару торсаплем (хантыйским музыкальным инструментом) —

только у торсапля натянуты не железные струны, а жилы.

Тапса-нэ снял гитару — медвежьим рыком отозвалась струна, коснулся другой струны — будто льдинки звякнули на Оби. Хорошо поет гитара, дольше, чем дедушкин торсапля. Тапса-нэ снова коснулся самой тонкой струны. Но она вдруг отозвалась таким страшным громом, так загудела, что гитара скользнула из рук, а бабушка повалилась на пол.

— Духи неба! Что случилось с тундрой? — испугалась бабушка, а Тапса-нэ уже зайцем выпрыгнул на улицу...

С огромной вышки фонтаном вырывалось пламя, страшное огненное пламя.

— Бабушка, бабушка! — закричал Тапса-нэ. Но даже не услышал своего голоса.

Бабушка стояла рядом, позабыв прикусить зубами платок, чтобы случайно не показать постороннему лицо. Ветром сорвало его с головы, и бабушка растерянно моргала. Пламя злобно рвало пургу, длинными языками стирало сугробы.

— Газ, да это же, бабушка, газ! — в самое ухо прокричал Тапса-нэ.

Сколько раз дедушка спорил с Федором-геологом: «Какой газ, какая нефть? Зачем черную воду под землей искать, когда с неба белой воды много падает?» — «А мы согреем тундру, уберем ваши железные печки из чумов», — спокойно отвечал Федор.

— Смотри, бабушка, к нам едут, — показал Тапса-нэ на приближающийся вездеход.

Вездеход волчком крутанулся и остановился...

Люди осторожно втащили большой белый сверток и уложили его на сдвинутые два стола. Тапса-нэ понял, что случилась беда. Под окровавленной простыней лежал человек, с него даже не были сняты унты. «Большие рыжие унты! — Тапса-нэ прижался к бабушке. — Это же Федор...»

Поземка испуганно билась в окно, сыпала снежной крупой. Доктор свел на переносице брови так, что побелел лоб.

— Срочно нужна кровь. Большая потеря крови. Через час-два будет поздно.

— Товарищ доктор, — взмолился водитель, острый кадык заходил у него на тонкой шее. — У меня же первая группа... Я знаю, что первая... почему нельзя первую?

— Я сказал, нужна одногруппная кровь, той же группы, какая и у больного. — Врач вскочил со стула, заходил по комнате, нервно хлопывая за спиной руками. — Срочно нужен донор... хотя бы двести граммов крови для частичной мобилизации сил больного... — Он скосил глаза на окно, за которым в шаманских изгибах извивалась пурга. — Когда еще из Салехарда прилетит вертолет...

— Доктор, — соскочил с кровати Тапса-нэ. — Доктор, к оленеводам надо ехать... тут недалеко.

Врач мягко положил руку на стриженую голову Тапса-нэ.

— На чем в такую пургу? Да и нет в тундре доноров, обычай не позволяет...

— На оленях ехать, к дедушке... почему не позволяет, если геолога Федора надо спасти? — Тапса-нэ одним махом накинул на себя малицу...

Как пожалел сейчас врач, что за много лет так и не научился управлять оленями. И двоим ехать нельзя — олени слабые, рыхлый наст не выдержит. И запретить он не мог — минуты жизни больного были сочтены.

Тапса-нэ уже ловко поправлял упряжку.

От опытного глаза бабушки ничего не ускользнуло. Внук правильно поправил постромки — жожаку пропустил с правой стороны, крайнему — наоборот. Покрепче до локтя намотал вожжу, в левую руку взял красный хорей — длинную жердь, без нее олень не понимает, что надо бежать вперед.

— Эге-гей! — совсем как взрослый пастух закричал Тапса-нэ, и нарты скрылись в колючей пелене.

«Тапса-нэ знает тундру. Тапса-нэ любит тундру. Спешите, олешки, авка — домашний олень, спешите, — из моих ладоней ты ел хлеб. Поможем геологу Федору. Недалеко нам ехать, скоро лес, речку проедем, потом озеро будет, снегу там поменьше — легче бежать, а с озера и чум увидим...» Так и слагается песня.

Один олень стал вдруг тыкаться из стороны в сторону, два других тянут его и нарты. Соскочил Тапса-нэ, пощупал за ухом — совсем не осталось жира, значит, ослаб олень, сейчас ляжет. Острым ножом мальчик перерезал постромки — олень отдохнет и сам придет в стадо.

Тапса-нэ легкий, олени проваливаются, а нарты только оставляют на снегу два чуть заметных усика. Прыгают нарты через бугры, но крепко сидит на них Тапса-нэ. «Бегите, олешки, спасти надо геолога...»

Вышку строили, когда Тапса-нэ пошел в школу. Сколько над ним смеялись, пока научился русскому языку! У хантов и ненцев почти нет звонких согласных. «Дзе-ень!» — растягивал по слогам Федор, ему было смешно, как Тапса-нэ послушно повторял: «Тсень!» А весной, когда заплакали сосульки, геолог взял железный таз и подозвал Тапса-нэ. Холодная прозрачная капля со звоном падала. «Дзе-ень!» — упорно добивался Федор.

— Дзе-ень! — неожиданно для себя сказал Тапса-нэ.

Задумался Тапса-нэ, не заметил узкую горловину речушки. Нарты подпрыгнули, хорей застрял между двумя деревьями и хрустнул, как спичка. Барахтаясь в сугробе, понял Тапса-нэ, что без хорей никуда не уехать на оленях, в отчаянии упал лицом в снег. Ему показалось, что лежит он долго, что никто уже не

поможет Федору, а в ушах звенит песня геолога:

...Вьюга бродит в ночи,
Иглы снега в глазах.
Нарты снова в пути.
На оленьих рогах
В бездну падаю я...

Вскочил Тапса-нэ, дергает вожжой, но непонятные олени кружат вокруг нарты. Он и сам не знает, почему так сделал: развязал галстук и стал им размахивать над головой. Олени испуганно вздрогнули, озираясь на красный цвет — струнами натянули постромки, снегом из-под копыт забросали нарты.

Очень не понравилось дядям, не по обычаю поступил Тапса-нэ. Приехал в чум — чаю надо попить, подождать, когда старшие спросят, и тогда разговор начинать. А Тапса-нэ даже поздороваться позабыл.

— Испуганный заяц первым в петле оказывается. Почему так дрожишь? — спросил дедушка.

— Видно, страх вперед ума родился, — сказал дядя.

И началось:

— Рыба молчит, да жир потихонечку копит, для пустых слов рот не освобождает.

— У сороки много трескотни, да только все объедки подбирает.

Так поучали и шутили дяди. А когда узнали, что с геологом Федором плохо, совсем перестали понимать Тапса-нэ. Няр-нех, сырой крови надо? Да они для геолога сейчас зарежут самого лучшего оленя. Но зачем для геолога человеческая кровь? Такого они еще никогда не слышали. Пугает что-то мальчишка, может, от учебы с головой нехорошо стало?.. Не верят дяди его словам, а слез и совсем не любят.

— Меня в пионеры приняли, — подошел Тапса-нэ к дедушке. — Это галстук, его дают в тот день, когда родился Ленин... Галстук за правду дают...

— За правду дают, хорошо, — согласился дедушка, поглаживая на коленях красный шелк. Дедушка сидел неподвижно, прикрыв ноги белой шкуркой олененка. Он уже с трудом вставал, глаза его слезились. Много лет прошло с той весны, когда помогал он отбирать у шаманов и кулаков оленей для колхозного стада. Не боялся он острого ножа или броска аркана в свинцовых сумерках. Дедушка тоже выполнял наказания Ильича.

— Однако мало научиться разводить костер только под своим котлом, когда другому плохо... Тапса-нэ большой разговор ведет, — строго сказал дедушка, пока дяди продолжали весело шутить.

Притихли враз дяди, отодвинулись от низкого столика, подвернули под себя ноги, внимательно слушают.

— Нужен такой человек, кровь у которого родной Федору придется, — говорит Тапса-нэ. — Всех оленеводов надо собрать...

Через минуту оленеводы откинули полог чума и уже на ходу застегивали широкие черные

ремни с медными украшениями и клыками зверей.

И вот уже только по снежному облачку угадываются нарты, четыре из них помчались прямо к избушке, а пятый пастух направил своих оленей в соседнее стадо. На хорее у него трепещет красный галстук.

Волк жадный, но его можно выследить, а росомаха хитрая. Целыми днями скрывается на деревьях. Прыгнет на оленя, горло порвет и опять выжидает на дереве, а следов нет. Тапса-нэ один кружит вокруг стада, охраняет оленей. Его не пугает тундра, но тревожно на душе. Поземка улеглась. Уже первые звезды спокойно смотрят на молочный снег своими длинными ресницами. Зазвенел колокольчик — это возвращается пастух сменить Тапса-нэ. И Тапса-нэ сразу погнал свою упряжку к избушке...

Много оленеводов собралось, и геологи здесь. Дяди задрали головы и смотрят, как вертолет дробно ввинчивается в посвежевшее голубизной небо. Опоздал!..

Старший дядя стоял в рубахе с оголенной до локтя рукой. Он торжественно потряс ею перед Тапса-нэ:

— Самую крупную кровь у меня нашли, — он всем уже это объяснил.

— Не крупную, а одногруппную, — поправил дядю Тапса-нэ.

— Все равно моя главней оказалась, геологу помогла...

Только сейчас Тапса-нэ захотел узнать, что же случилось на вышке с Федором, но дяди были заняты вертолетом. «Вышка, она, однако, железная, железо может сильно стукнуть», — отмахнулись они от племянника. Тапса-нэ стало обидно. Ему стало еще обидней, когда узнал, что дяди засунули его галстук в вертолет.

— Как же я вернусь в школу без галстука? — испугался он.

Но тут вертолет завис над избушкой, и все увидели, как затрепыхался красный лоскуток с подвязанным на конце грузиком. Он упал прямо к ногам Тапса-нэ. Это был галстук, и привязан был к нему листочек бумаги. Кто-то размашисто написал: «Спасибо тебе, пионер!»

«Значит, и я ему тоже немножко помог!» — и счастливый Тапса-нэ долго махал галстуком, пока улетающий вертолет не превратился в маленькую стрекозу.

ХОЛОД И ЖАР ТУНДРЫ

«А собаки все же лучше», — говорит о своем виде транспорта коренной житель ненецкой тундры, охотник и рыбак Василий Ледков. И с ним никто не спорит. Не полетишь же ставить песцовые капканы на вертолете. Разве что вездеход может поспорить в тундре с собачьей упряжкой.

Нефтеразведчики же считают незаменимым вертолет. Он и продукты быстро доставит, и буровые бригады на отдых увезет, и к больному вовремя прилетит. Не случайно в тундре вертолетов больше, чем автобусов.

Но и вертолет не все может. Когда нефтеразведчики решили поставить на берегу Ледовитого океана новые буровые и построить рядом жилой поселок, все необходимое они погрузили в трюмы мощного теплохода. Груз, который за один раз доставил в нужное место корабль, конечно, не по силам ни собакам, ни вертолетам. Даже пристань не пришлось строить: оборудование, дома, машины выгрузили прямо на лед.

СЛОВО О ГЕОЛОГЕ

Ю. ШНИТНИКОВ

Рисунок Е. Галеркиной

Здрав высокие голенища сапог-бродней, мнем рыжую и податливую тряси́ну. Впереди идет Геннадий Петровский. Легкую и непринужденную манеру хождения по болоту он перенял, видно, у цапли. Ноги у него складные, что ли? Я же, как ни стараюсь, безобразно плюхаю своими сапожищами, щедро обдаю напарника брызгами.

Еще два дня назад Геннадий Петровский беззаботно шлепал веслами своей байдарки вдоль берегов Азовского моря, и вот теперь, вернувшись из отпуска в Нарьян-Мар, пробыл в конторе экспедиции лишь полдня. После обеда буксир «Беззаветный» уже вез геолога вниз по Печоре, еще дальше на север, со срочным заданием: на левом берегу реки Печоры выбрать место для буровой установки.

Сейсмологи с помощью направленных взрывов и специальной аппаратуры, записывающей эхо взрыва в земной коре, определили примерные границы месторождений нефти и газа.

Но данные сейсмологов — всего лишь прогнозы. А как проверить их точность? Только разведочным бурением. Вот мы с Геннадием и ищем место, где можно поставить вышку.

Наш район — к северу от Нарьян-Мара. Синяя лента реки Печоры разделила его пополам. Высокий правый берег геологоразведчиками, можно сказать, «взят».

Но вот левый берег... Слишком он низок: топь, болото. И мы с Геннадием шлепаем сапогами по этому болоту. Вдруг Геннадий резко остановился. Я ткнулся в его спину.

— Смотри, утки, — почему-то шепотом объявил он, будто мы с утра сидели в засаде, а не чавкали броднями на всю тундру.

Но именно шепот, похоже, и вспугнул шустрое утиное семейство, которое мигом сигануло с чистой воды мелкого тундрового озера в прибрежную траву.

Геннадий расстегнул «молнию» широченного, через всю грудь кармана на штормовке и

достал сложенную в несколько раз карту.

— Да, задачка, — задумчиво говорит Геннадий, балансируя на кочке. — Пока, признаюсь честно, ума не приложу, где тут ставить буровую. Ни холмика, ни воды...

Странно звучит это «ни воды» здесь, среди болота. Но геолог прав: для буровой установки, потребляющей огромное количество воды, болото, которое нас окружает, враг, а не помощник. Нет толку и от мелких озер, которые на целых полгода промерзают насквозь, до дна, и зимой из них ведра не зачерпнешь... А разве выдержит болотная хлябь многотонные сооружения буровой?

Геннадий «с высоты своего положения» рассуждает:

— Решать с выбором места для скважины надо сегодня, в крайнем случае, завтра.

Теперь я хорошо понимаю, почему так спешил сюда геолог. Ведь это только по календарю сейчас осень, а в Заполярье октябрь вполне может обернуться зимой. Первый снег уже побелил кусты и траву, прозрачные корытца луж на лугу подернулись хрупкой ледяной склянью. Пройдет день-другой — и геологоразведчики могут потерять целый год: мороз скует тундру, сравняет одним цветом, и попробуй разберись потом, где под ногами суша, а где болото.

Мы кружим по болоту шестой час подряд. Я, признаться, уже закружился, и меня вперу выводить отсюда за ручку.

— А если здесь только одни болота? — спросил я, все глубже увязая в тряси́не.

— Да я почти и не сомневался в этом, — ответил Геннадий, — знаю я эти места, лазал тут раньше. Но буровая-то все равно должна стоять.

Ох и нелегко же путь к нефти! Природа как будто специально запрятала ее подальше от глаз человеческих — в пустыню и тундру, в тайгу и в море. На то, мол, оно и богатство, чтобы храниться за семью замками — под защитой жары и вечной мерзлоты, непроходимости и штормов.

Я смотрю себе под ноги, где

глубоко-глубоко притаилась вся эта гигантская сила, но вижу лишь грязные пузыри на поверхности воды.

Геннадий застыл с биноклем у глаз.

— Кажется, есть. Ну-ка, посмотри внимательно, — он передает мне бинокль и уступает место на кочке.

А я прилип к болоту. Мне легче выйти из сапог, чем выдернуть их из трясины. Но я вскарабкиваюсь все же на кочку, спасая казенные сапоги, которые еще могут мне пригодиться.

— Видишь кусты? — корректирует блуждание моего бинокля по горизонту Геннадий. Но я вижу только гладкую и серую тундру. Геннадий терпеливо ведет мою руку за локоть. — Теперь видишь?

— Вижу, — успокаиваю я его, разглядев какие-то прутья. — А при чем тут кусты?

— Кусты на твердой почве растут. Примета известная. Идем! — обрадовался геолог. — Я ведь вообще-то везучий. Десять лет наша экспедиция бурила в этой тундре вхолостую. А как я пришел сюда, так одно за другим четыре месторождения открыли.

...Через час болотного марша мы остановились. Путеводные челки кустов оказались жалкими ольховыми зарослями, но под ногами и в самом деле была твердая земля. Словно желая убедиться, что эта твердь все-таки без подвоха, Геннадий потопал сапогами. Но все было честно: земля держала геолога, и он никуда не провалился.

Узкий, метров в семьдесят, травянистый перешеек рассекал болото и подходил к реке. Геннадий развернул карту, с минуту молчаливо побеседовал с ней и поставил фломастером жирную точку в ее левой части. Затем достал нож, заострил ольховый сук, а на другом его конце вырезал аккуратный желтенький квадратик. На срезе написал три цифры — 148 — порядковый номер скважины. И ударом каблука вогнал колышек в траву.

Этот колышек означал: наступление на левый берег реки Печоры началось.

УЛУРО АДО

МАЛЬЧИК ЮКО ПОЕТ О ЧАЙКАХ

Чайки, чайки!

Отвечайте на вопрос:
Почему у каждой чайки
красный нос?

Может, вы их подпалили
на костре?

Может, в море обмакнули
на заре? —

На заре бывает красная вода.
Не хотите вы ответить?

Хорошо же! Ну, тогда

Я вам тоже не скажу,
Почему я не летаю,
а хожу.

МАЛЬЧИК ЮКО ПОЕТ ОБ ОДНОЙ ПРИМЕТЕ

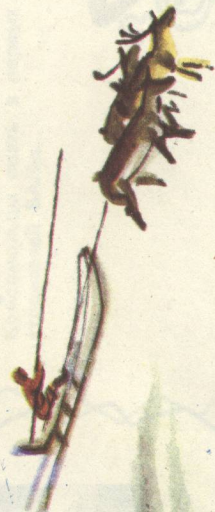
Говорят, что кто проснется
Рано-рано-рано,
Тот ухватит лучик солнца,
Как конец аркана.

Тот, кто держит этот лучик,
Первый из лучей,
Видит много самых лучших
На земле вещей.

Мне никак не удавалось,
Пробовал три дня.
Ох, как трудно мне вставалось!
Ох, как жаль меня!

Перевод с юкагирского
Н. СЛЕПАКОВОЙ

Рисунки Т. Соловьевой

„ИДЕМ ДОРОГОЙ ЛЕНИНА, ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ!“

Чтобы стать активными строителями коммунизма, будем постоянно учиться у коммунистов и комсомольцев верности делу Ленина, преданности идеалам Октября, мужеству, стойкости, умению доводить начатое дело до конца.

Из обращения делегатов VII Всесоюзного съезда пионеров ко всем юным ленинцам страны

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ „КОСТРА“

Оформление Г. Ковенчука

Фотографии и заметки присланы из Дома пионера и школьника заводского поселка Свесса Сумской области.

Все юнкоры «Барабана» могут написать авторам заметок по адресу: Сумская область, Свесса, улица Коммунистическая, 2/28. Детский сектор ДПШ имени Кости Янина.

Мы дружим с книгой

Вожатые октябрят клуба «Звездочка» провели с октябрятами праздник книги. Главным на празднике было путешествие по страницам книг о Владимире Ильиче Ленине. Октябрята читали стихи, пели песни о Владимире Ильиче, сами оформили фотовыставку.

Вот два снимка с этой выставки.

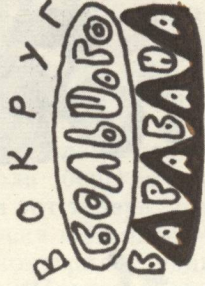

Ребята мечтают быть инженерами, шоферами, трактористами, врачами. А знаете почему? В Доме пионеров очень часто устраиваются встречи с людьми разных профессий!

...Бьют из тундры холодные ветры, трещат лютые северные морозы, но крепко стоит на «серебряном» меридиане Инта, младшая сестра Воркуты, город геологов, буровиков, шахтеров, строителей и оленеводов. Это очень молодой город на севере Коми-республики.

Дружина школы № 9 носит имя Николая Островского, пионеры и комсомолцы — запевалы многих хороших дел. Это они провели операцию «Книга», собрав 200 книг для воинов. Дружба сплотила все отряды этой дружины: здесь все делают сообща. Сейчас на Марше, посвященном 60-летию Великого Октября, в каждом новом номере школьной стенгазеты есть рассказ о дружбе с коммунистами родного города, о славных делах комсомолки.

Саша Ромашкин, 4 «а» класс:
— Комсомолец должен быть честным, во всем помогать.

Над нами шефствует 8 «а» класс. И наша вожатая Света Артемцева комсомолка, в своем классе лучшая ученица.

Мы радуемся, когда Света приходит к нам.

Тая Василюк, 4 «в» класс:

— Комсомолец — это тот человек, у которого самое главное желание — забота о товарищах, о Родине. Комсомолец в трудную минуту не оставит друга в беде. За свою страну не пожалеет отдать жизнь!

Коля Волошин, 4 «в» класс:
— Комсомолец — гордое звание.

Кем ты хочешь быть?

Такую анкету провели в Доме пионеров.
— Хочу стать строителем, — написала Света Слюсарь.
— Буду учительницей, как Вера Федоровна, — ответила Таня Левченко, вспоминая свою первую учительницу В. Ф. Коржову.
— В нашем поселке есть красивый детский сад. Хочу воспитывать малышей, — призналась Тамара Шур.

«Сумка дружбы»

Письма, открытки, рисунки, значки, сувениры, присланные зарубежными друзьями, хранятся в этой «копилке». С пионерами многих стран дружат члены клуба «Мир». У себя в Доме пионеров они проводят вечера зарубежной песни, конкурсы и заочные путешествия.
Во всех пятнадцати республиках нашей страны у кидовцев есть друзья.

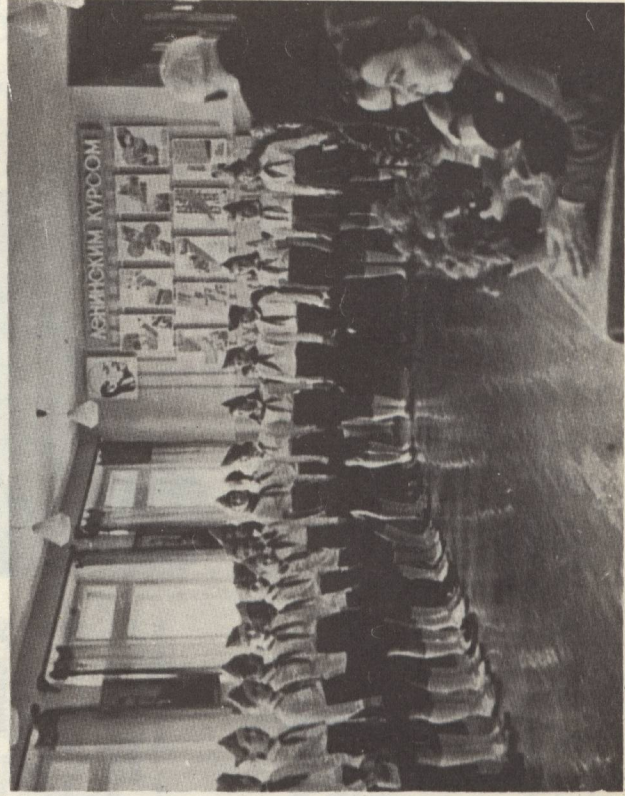

ФОТО
конкурсы

Фото
Славы Троиллиа

О комсомоле, комсомольцах в дружине имени Николая Островского размышляют много и серьезно.

Олег Борисов, 4 «в» класс:

— Я часто думаю, что значит быть комсомольцем. Быть комсомольцем — за все нести ответ.

Быть комсомольцем — значит, надо верить, что сегодняшние достижения каждого человека — не предел.

Быть комсомольцем — быть всегда готовым стоять за правду до конца.

Комсомольцы — всегда первые: в работе, в учебе. Комсомольцы строили город Комсомольск-на-Амуре. В трудных условиях строили его. Жили в палатках, ели мало, а город рос. Сегодня крупнейшая стройка — БАМ. Комсомольцы опять в первых рядах строителей БАМа.

Как-то я смотрел фильм о комсомольцах гражданской войны... Кулаки мешали комсомольцам создавать ячейки, пугали их, даже убивали. Комсомольцы держались стойко. Кулакам не удалось их сломить.

Мы это далекое время помним, не забываем первых комсомольцев нашего города.

Оля Левченко, 5 «б» класс:

Комсомольцы — люди будущего. Они — молодая смена нашей страны. Они работают на стройках пятилетки, в колхозах и совхозах.

Перед тем как вступить в ряды комсомола, каждый пионер спрашивает себя: «Смогу ли я быть достойным этого звания? Смогу ли повести за собой других?»

По-моему, у комсомольца должен быть боевой задорный характер. Быть комсомольцем — почетно!

Почаще приглашайте на свои пионерские сборы интересных людей!

Мы пригласили на один сбор ветерана Коммунистической партии комсомольца 20-х годов Петра Тимофеевича Родионова и услышали много неизвестного нам раньше. А все пионеры чувствовали особую ответственность за каждое свое слово на сборе.

*Лена Часовская,
Ворошиловградская область,
город Попасная*

Создайте «патруль самопроверки»: ведь одного сбора по вопросам успеваемости мало, а вот если члены совета дружины будут знать, как обстоят дела в отряде, какой план работы на новый месяц, какой сбор готовится, — дела пойдут веселее.

*Света Балашова,
город Джамбул, 6-й микрорайон*

ЮНКОРЫ

СОВЕТНИК

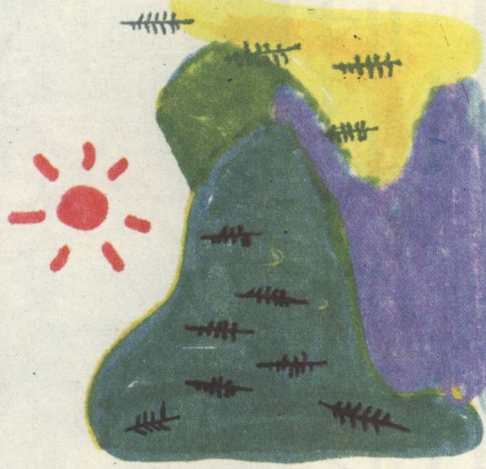
Забавная
Смешная
Игра

Моя родная ЗЕМЛЯ

Наш поселок Тура скоро станет
большим чудесным городом, хотя
сейчас вокруг него бесконечная, бес-
крайняя тайга...

Знаете, как красива тайга? Зимой
в лесу тихо. Спят заснеженные ели.
Стоят, чуть покачиваясь, березки и
лиственницы. На снегу множество
следов. Следы лисицы-чернобурки,
зайца, куропаток, соболя, песка. Вес-
ной все оживает. С гор бегут под
коркой льда ручьи. На листьях
появляется мохнатая хвоя. На бе-
резках проклевываются липкие зеле-
ные листочки. А летом! В воздухе
аромат трав и цветов. Слышится пе-
ние птиц. Солнце стоит высоко в не-

бе. Река, голубая и спокойная, течет
вдоль крутых, недоступных берегов.
Наша Эвенкия славится не только
тайгой, но и людьми. Люди — гор-
дость Эвенкии! Честно трудятся оле-
неводой. Каждый год перевыполняют
планы охотники.
Все трудящиеся Эвенкии достойно
встретили XXV съезд КПСС.

Аня Бодренко,
Эвенкийский национальный округ

Стоит ДОВО конкурс

Хочу участвовать в фото-
конкурсе «Барабана». Люб-
лю фотографировать празд-
ники, различные памятки,
природу.

У нас в школе работает
фотокружок, и я с удоволь-
ствием в нем занимаюсь.
Посылаю тебе, «Барабан»,
портрет моего брата, ему
еще нет и трех лет.

Володя Михеев,
город Миасс

В конце учебного года для октяб-
ря нашей школы был устроен весе-
лый праздник — «День смеха».

...Команды «Ну, погоди!» и «Улыб-
ка» выступились под звуки марша.
Участники команд соревнуются: кто

Мы попросили читателей «Бараба-
на» закончить историю в рисунках
под названием «Приключения Пети,
Галочки и Жоры» (См. №№ 4—5 за
этот год).

ДЕНЬ СМЕХА

больше знает о птицах. Времени на
раздумья мало — всего две минуты.
Октябрятя хорошо справляются с
викториной. Жюри подводит итоги.
Побеждают те, кто дружнее!

Потом идут шуточные сценки, ин-
сценировки сказок, подготовленные
вторым «б» и третьим «а».

Матрешки в ярких сарафанах поют
частушки про грязнуль и нерях.

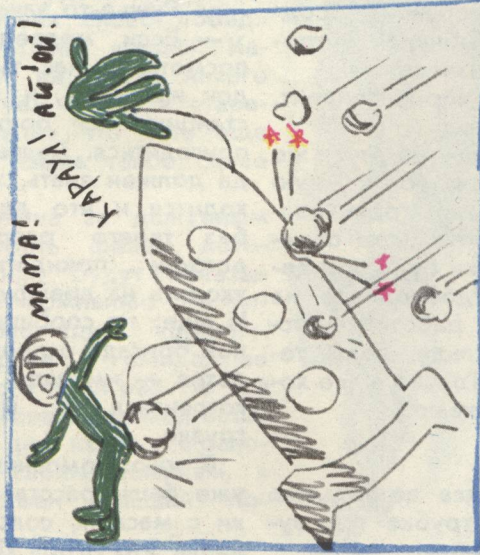
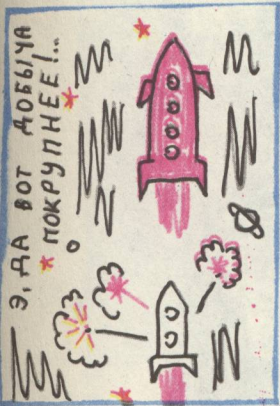
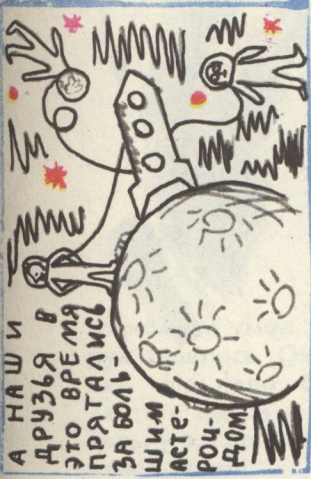
Самое забавное, когда команды
отправляются путешествовать по
«станциям». Прилепить с закрытыми

Мы решили напечатать оконча-
ние рассказа, сочиненное шестиклас-
сником Костей Сербиновским, учени-
ком 6 «д» класса города Сумы.

Таня Веселова,
7-й класс, школа № 1, город Сланцы

глазами нос клоуну, нарисованному
на листе бумаги, задача нелегкая.
А сколько смеха в зале! Следующий
аттракцион — три участника каждой
команды должны выпить чай из бу-
тылки через соску.

Кончился веселый праздник — всем
октябряткам надевают на шею шоко-
ладную медаль в золотой обертке.
Запомнится этот веселый день каж-
дому.

Болезнь Сашка на стадионе кричит:

- Гол! Опять гол!
- А на уроке шепчет:
- Кол, опять кол...

Маша Бельская, посёлок Ключи Камчатская область

Некоторые звери грозятся исчезнуть с лица Земли.

Прислал Валерий Акулич, Гомельская область, посёлок Приболовичи

Учитель:
— Расскажи о растительности пустыни.

Ученица:
— В пустыне растёт саксаул и колючая верблюжья.

Записала Оля Симонова, город Пермь

ДЕЖУРЮ НА ЛЬДИНЕ

Владимир СТРУГАЦКИЙ

Здесь, на дрейфующей станции «Северный полюс-22», сутки тянутся ужасно долго. Но каждый полярник вам скажет — нет на дрейфующей льдине дня труднее, чем день, когда дежуришь.

Итак, на пороге нашего домика появился доктор Геннадий Горбунов. Он выдрал из своей профессорской бородки льдинки, улыбнулся и торжественно произнес:

— Товарищ корреспондент, завтра ваш выход.

Люди искушенные тут же сказали: «Потом тебе каждую ночь будут сниться горы грязной посуды». Но я даже обрадовался: все-таки буду при деле. А то неудобно: все на льдине заняты работой — исследованиями льда, воды, течений, ветров. Только я все хожу и расспрашиваю...

Еще за два часа до подъема в телефонной трубке прозвучал голос доктора:

— Как там наш дежурный поживает? Пусть на посудомо-ечную вахту заступает.

Доктор уже поджидал меня в кают-компании.

— Ты теперь самый главный человек на станции, — наставлял он меня перед дежурством. — Вот тебе бинокль. Вот ружье.

— Ружье-то зачем?

— Если медведь пожалует посмотреть, как ты тут порядок наводишь, и заглянет на станцию, то оружие может пригодиться. Дальше. Ты всегда должен знать, кто где находится и что делает. Никто без твоего разрешения не должен покидать станцию, уходить на дрейфующие льды. И еще: ты сообщаешь дежурной бригаде о прибытии самолетов — им надо успеть подготовиться к разгрузке-погрузке.

В кают-компании на столах уже были расставлены тарелки с маслом, солонки, перчатки. Это Игорь Добряков по-

трудился — отличный повар, бывавший много раз на Севере. Таких, как я, новичков-дежурных на своем веку Игорь много видел. И старался каждому помочь.

— У меня уже все готово, — сказал мне Игорь. — Может, позавтракаешь, пока народ не нагрелся?

— Да я уж после всех, — ответил я.

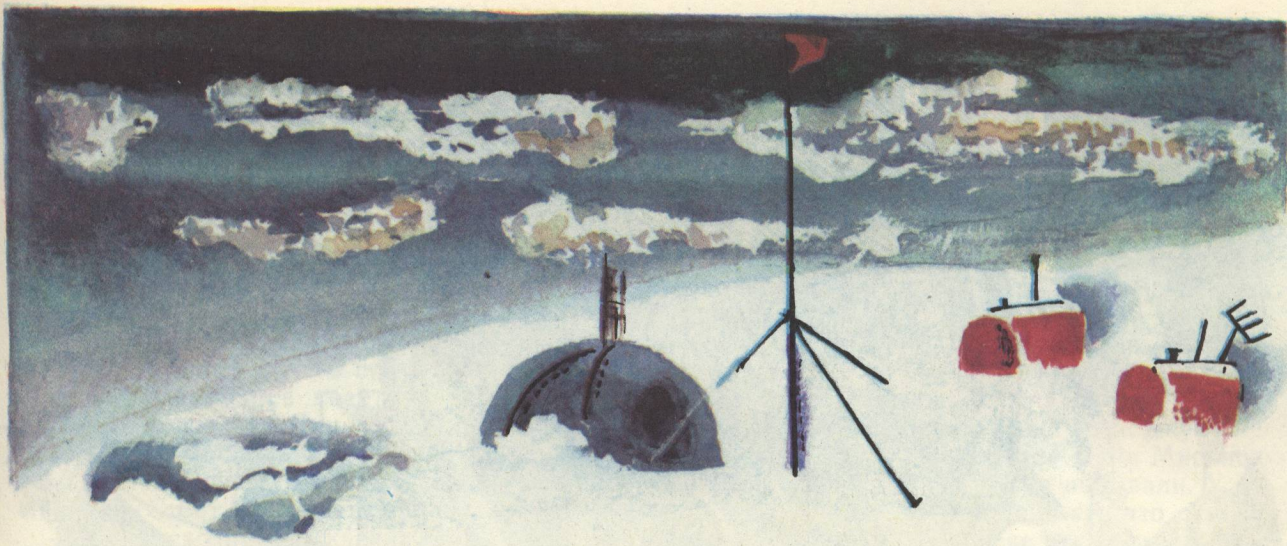
Девяносто семь человек пришли и сели за стол. Уже через десять минут кончилась чистая посуда.

— Дежурный, мясо класть в какую ладошку — левую или правую?

— Дежурный, меня мама в детстве учила, что без вилки и ножа есть некрасиво.

— А что, сегодня надо было стаканы с собой прихватить?

И все на меня смотрят. Я на секунду вспомнил бедного официанта-итальянца из какого-то фильма, которого судьба закинула в лучший ресторан Парижа. Он, бедняга, ничего

Рисунки И. Дядкиной

толком не умел делать, все из рук валялось. Он бы меня понял. Но надо было бежать. Хватать ведра и бежать. В дизельную, где стояли баки с горячей водой.

Накинул тулуп, два ведра в руки и — вперед, на сорокапятиградусный мороз. До дизельной. Обратно. По дороге вода из полных ведер выплескивается прямо на унты. И тут же превращается в лед. Воду — в таз. В таз — еще полпачки горчицы. И — груды тарелок, вилок, кружек. И снова за водой.

На пятом забеге я опрокинул на крыльце ведро с водой. Мгновенно получился каток.

К концу завтрака на пороге появился мой начальник-доктор. И тут же грохнулся на моем катке. И встать не смог. Видно, примерз. Прямо с тарелкой в руках я выбежал на крыльцо. Подобострастно попытался помочь доктору подняться. Но только разбил тарелку. Доктор все же встал. Посмотрел на меня сумрачно и сказал:

— Товарищ дежурный, будьте любезны взять ломик и сбить этот каток. А то у меня к вечеру появится много паци-

ентов со сломанными конечностями.

...Мудрый человек наш повар. Ведь предлагал же мне поесть еще до завтрака. А вот сейчас вроде и пусто в кают-компании, и столы убраны, и минутка свободная есть, а не до еды. Не хочется есть. Хочется тихонько сидеть на стуле, подперев руками подбородок... И чтоб никто тебя не трогал.

— Ну ничего, братец, перед обедом ты двойную порцию умни, — наставлял Игорь. — Сил больше будет.

А для меня слово «обед» звучит как слово «беда». Кажется, нет на свете ничего страшнее, чем обед. Я стараюсь не думать, что есть еще в русском языке такое слово «ужин».

После ужина за дежурным правом выбрать фильм, который вечером будут показывать в кают-компании. И я выбрал кинокомедию «Бриллиантовая рука». Правда, ее смотрели сто один раз. Но что делать? Такова была моя воля.

К концу дня, когда все разошлись по своим домикам, я был удостоен высшей похвалы:

— А ничего, — сказал мне доктор. — Получается у тебя. Если надумаешь прилететь к нам еще раз, будем рады.

ГОЛУБОЙ ПУШИСТЫЙ КОТЕНОК

М. ГЛИНКА

РАССКАЗ

Рисунки Г. Ясинского

Началось все с того, что одна приятельница Нинкиной мамы погладила в трамвае чужого пса.

За это женщина, которая пса везла, проехала с приятельницей Нинкиной мамы пять лишних остановок, а напоследок спросила ее телефон. Звали тетку, которая везла собаку, Диной Мироновной.

Произошло это года два назад, и все два года Дина Мироновна звонила по полученному телефону и предлагала собак. Приятельница Нинкиной мамы и не предполагала, что в городе столько собак, которые бы хотели у нее поселиться. Всякий раз она отвечала Дине Мироновне, что мечтает когда-нибудь с ней встретиться и как следует, по-настоящему обсудить собачьи проблемы. Возможно, она даже вступит в общество, но сейчас это невозможно, потому что у мужа срочная работа. Дина Мироновна вперемежку с собаками предлагала и кошек, упоминались даже сиамские, но та все ссылалась на мужа. И тут как-то Нинкина мама сказала своей приятельнице, что хотела бы завести пушистого голубого котенка. Голубой в том смысле, чтобы был совсем беленький.

— Ничего нет проще, — сказала приятельница и сбросила пепел сигареты, — вот тебе

телефон. Эта дама достанет тебе любого. Синего. Зеленого. В горошек.

Нинина мама позвонила Дине Мироновне. Она еще не знала, что делает.

— Котенка? — сказала Дина Мироновна. — Беленького? Пушистого? Чтобы с клубочком играл? Господи, душечка, как вы мне нравитесь! Записываю ваш телефон...

Дня через два Дина Мироновна появилась у Томашевских. Глаза ее, как говорила Нина, пылали, на пальто спереди и сзади были пятна от уличной грязи в форме звериных следов. Похоже было, что Дина Мироновна нашла пальто где-то на глинистом берегу у водопоя. Нинин отец потом сказал, что когда Дина Мироновна вошла в прихожую, псиной запахла даже книга, которую он читал в другой комнате.

Дина Мироновна стояла в прихожей и озиралась.

— А потолки у вас высокие! — сказала она.

Нинина мама предложила снять пальто и проходить в комнату. Дина Мироновна пальто сняла, но на общую вешалку его не повесила, а потянулась к клемме электрического счетчика. Отец Нины увидел это из комнаты и выскочил в переднюю, чтобы предупредить, что клеммы у них голые. Но Дину Миронов-

ну уже трянуло. Однако похоже было, что электрического тока она не боится. Резиновые сапоги (в тех же узорах, что и пальто) Дина Мионовна поставила у порога. Надеть на ноги что-нибудь вместо сапог она категорически отказалась.

Так они и стояли вчетвером: Дина Мионовна — в рубчатых чулках, Николай Сергеевич, который чувствовал себя виноватым за то, что гостью хватануло током, Нинина мама, которая не знала, что ей делать и украдкой смотрела на ноги Дины Мионовны, и Нинка. Нинка еще не успела ничего подумать.

— Оказывается, в квартире дети есть, — недовольно сказала Дина Мионовна. — Или, девочка, ты любишь животных?

— Больше всех нас, — ответила Нинина мама. — Стоит ей увидеть собаку...

— Превосходно, — сказала Дина Мионовна и опять зачем-то посмотрела на потолок. — А лестница у вас хорошая, — добавила она. — Прямо во двор... И кусты.

Проходить из прихожей она так и не стала, только, перегибаясь через порог, заглянула в обе комнаты и в кухню.

— Ну, что ж, — сказала она, — комнаты светлые, кухня большая...

Николай Сергеевич морщил лоб, Нинкина мама все приглашала пройти от дверей и сесть.

— Нет, нет, — заторопилась Дина Мионовна. — Меня там ждут. Но на днях мы обязательно, обязательно, обязательно...

Николай Сергеевич уже стоял у счетчика, заслоняя его спиной. Когда Дина Мионовна стала спускаться по лестнице, снизу раздался гулкий, хриплый лай.

Нина и ее родители выглянули из окон. Через некоторое время из их подъезда выпрыгнул огромный кудлатый пес на брезентовом ремне. Дверь за псом захлопнуло пружиной. Пес присел, скребанул когтями по асфальту, и из подъезда выбросилась Дина Мионовна. Она была обвита ремнем — видно, пес скакал около нее кругами. Не обращая внимания на машины, пес наискосок пересек улицу и затащил Дину Мионовну в какую-то щель между домов.

— Ты у нее при случае спроси, — задумчиво сказал Николай Сергеевич, — как она относится к водным лыжам? Специфика движения совершенно та же.

— Чем она тебе не понравилась? — спросила Нинкина мама. — Очень добрая женщина. Просто очень добрая.

— Более чем, — сказал Нинин папа. — Боюсь, что мы видим ее не в последний раз.

Дина Мионовна теперь звонила Томашевским как старая знакомая. Поиски голубого котенка шли полным ходом. Нашелся один почти совсем беленький, во всяком случае что-то у него белое было — то ли нос, то ли хвост, но он не был пушистым. Нет, она понимала, что нужен именно пушистый, но знаете, сколько

от пушистого по квартире шерсти? Кроме того, пушистого всегда легче пристроить, в то время как такому бедняге грозит усыпление. Нет, она, конечно, оповестит знакомых и поднимет их на ноги, но вообще-то нелегко, потому что, не зная матери этого котенка, можно подумать, что совсем обыкновенный. Да, в общем, серо-черный... Нет, что-то белое у него есть. Но вообще-то, только это секрет лишь для Нининой мамы, — котенок не один, а их четверо. Да, и все, как назло, если не знать матери, конечно, кажутся совершенно обычными... Но белого, пушистого ищут.

Потом одно сообщение, что совсем было выследили почти ручную пушистую кошку в одном подвале, и в том подвале Дина Мионовна и еще две кошатницы уже побывали. У одной кошатницы был фонарик, так что они почти точно теперь знают, где эту кошку можно поймать. Собственно, кошка уже была у них в руках, но завязать в мешок ее не успели, она прорвала мешок и удрала.

Нинина мама хотела спросить, зачем ловить взрослую дикую кошку, но Дина Мионовна не дала вставить ни слова.

Еще через день Дина Мионовна сообщила, что теперь уже не в подвале, а на чердаке одного старого дома на Васильевском обнаружен скрывающийся пушистый котенок, и завтра вечером его поедут ловить.

— А кто поедет? — спросила Нинина мама.

— Ну, тут люди, — замаялась Дина Мионовна, — которым не безразличны страдания животных...

— Может быть, я могу помочь? — спросила Нинина мама. Она чувствовала себя неловко, потому что из-за нее какие-то незнакомые люди, может быть, пожилые, собирались ехать на Васильевский и сообщать носиться по чердаку.

— Нет-нет, не беспокойтесь! — сказала горячо Дина Мионовна. — Вполне достаточно того, что вы хотите облегчить судьбу хотя бы одного животного! Общество не может ничего требовать, но мы счастливы, когда находим людей с добрым сердцем!

Нинина мама страдала у телефона.

Следующий раз Дина Мионовна говорила голосом торжествующим. Того котенка поймать не удалось, он ушел от них по карнизу на другой чердак, но она нашла женщину, от кошки которой одного котенка уже отправили в Бельгию. Не хочет ли Нинина мама, чтобы у ее будущей кошки была заграничная родня?

Что отвечала мама, Нина точно не знала, разговор был без нее. Но около телефона на обоях появилось протертое до дырки место — это мама терла пальцем во время разговора. И тогда Дина Мионовна попросила Нинину маму подержать у себя в квартире одну очень милую собачку.

— Она уже фактически пристроена, — сказала Дина Мионовна. — Так что самое большее — денька на два, на три.

Так у Томашевских поселился Гарзан.

Тарзан оказался тем самым псом, которого Дина Мироновна привязывала в первый раз в подъезде.

Гулять с Тарзаном мог один Нинин отец. Пытались и другие, но пальто Нининой мамы после первого же раза пришлось отправить в чистку, а саму Нинку Тарзан таскал по окрестным кварталам, как шарик-раскидай.

Оказалось, что любимое занятие Тарзана — стоять в комнате на столе. Приходишь, а он стоит. «Может быть, такая собачья мания величия», — сказал Нинин папа. Иногда, не сходя со стола, Тарзан чесался. Если Томашевские были при этом на кухне, то они всегда узнавали, что Тарзан уже на столе и уже чешется, потому что на кухне начинало дребезжать в холодильнике. Расчесываясь, Тарзан заднюю ногу задирает свечой. Это почему-то особенно не нравилось Нининой маме.

Дина Мироновна теперь приходила к Томашевским как своя. Привязав очередную шавку в подъезде, она звонила у их дверей и, еще не входя, радостно сообщала, что пришла повидаться с Тарзиком. «Очень жалко Томашевских, — добавляла она, — потому что Тарзик скоро от них уедет». В руке Дина Мироновна обычно несла фарш, завернутый в газету. То ли мясники жалели для Дины Мироновны бумаги, то ли ей самой нравилось прохладное

ощущение под ногтями, но всегда один или два пальца у нее были внутри фарша.

— Лакомство из общества, — сияя, шептала она.

— Да что вы, право, — в смятении говорила Нинина мама, — ну что же, мы, по-вашему, его не кормим?

Нинина мама училась когда-то в хореографическом училище, и там, кроме танца, им преподавали, как следует разговаривать с людьми старше себя.

— Ах, какая вы душка и как я счастлива, что вас нашла, — говорила Дина Мироновна, сцарапывая фарш с газеты в Тарзанию миску.

— Вот здесь... здесь можно вымыть руки, — открывая кран, говорила Нинина мама.

— Ах, душечка, право, ни к чему лишние хлопоты, — отвечала со счастливым выражением лица Дина Мироновна и облизывала пальцы. Нинина мама украдкой отворачивалась и закрывала глаза.

Тем временем запертый в комнате Тарзан уже окончательно догадывался, кто пришел, и начал ломать дверь. С косяков падала известь. Сложность заключалась в том, чтобы Дина Мироновна успела положить фарш в миску до тех пор, пока Тарзан за дверью не затих. В первый раз этого еще не знали, и из-

под двери комнаты в прихожую потекла дымящаяся лужа.

— Мой отзывчивый! — сказала Дина Мионовна. — Это он от счастья!

Выпускать Тарзана раньше, чем Дина Мионовна избавится от фарша, было нельзя, потому что встреча их отчасти напоминала монгольскую борьбу. Упершись лбами друг в друга, они кружили по прихожей. Дине Мионовне для этого почти не приходилось приседать. Однажды Тарзан оказался висющим у нее вокруг шеи как чернобурый лисец. Часть фарша при этом оказалась у Дины Мионовны в волосах, часть прилипла к зеркалу.

— Я понимаю, что она кажется тебе немного не того... — сказала Нинина мама, — но, с другой стороны, — энтузиастка? Да. Бессребреница? Да. Добрый человек? Несомненно.

Уходя на работу, Нинин папа ставил на свой письменный стол два перевернутых ногами вверх стула. Нинина мама ставила перевернутые стулья на кровать — Тарзан взял обыкновение закапывать под подушки вчерашние кости. Квартира напоминала кафе во время ночной уборки.

О белом котенке Дина Мионовна на время замолчала. Зато она теперь сообщала Томашевским о том, как продвигаются поиски хозяев для Тарзана.

— Помилуйте, — в первый раз услышав о поисках, сказал Нинин папа, — я, видимо, чего-то недопонял. Мне казалось, что хозяева уже есть!

— Все, все хорошо, Николай Сергеевич, — убежденно и улыбаясь, сказала Дина Мионовна. — Вы, главное, не волнуйтесь. Не волнуйтесь — и все, все будет хорошо! Тарзану у нас великолепно, пес крепнет, веселеет...

— Простите, — перебил Николай Сергеевич. — Я, если это возможно, хотел бы узнать о хозяевах. Тут проблемы чисто практические...

— Коля! — укоризненно сказала Нинина мама и добавила: — Он, знаете ли, так последнее время устаёт...

— Вы, главное, не волнуйтесь, Николай Сергеевич, — улыбаясь, сказала Дина Мионовна. — Мы с вашей женой все, все решим. Вы и знать не будете!

— О чем? — спросил Николай Сергеевич.

— О хозяевах. О Тарзане. Главное, не беспокойте себя... А хозяева найдутся. Не сегодня, так завтра, не завтра, — тут на Дину Мионовну прыгнул Тарзан и ее лицо скрылось в его шерсти.

— Желательно, чтобы это было не послезавтра, — сказал Николай Сергеевич.

— Собака столько перенесла, — вынимая лицо из шерсти Тарзана, сказала Дина Мионовна. — Пес в вашем доме просто душой отдыхает.

Николай Сергеевич уперся указательным пальцем в переносицу и некоторое время стоял так качаясь.

— Иди работай, — мягко сказала Нинина мама. — Мы все сами решим.

— А я и знать ничего не буду? — спросил Николай Сергеевич.

— Вот именно, — радостно сказала Дина Мионовна. — А жена ваша, скажу я вам, это клад. Золотой человек. Таких больше нет.

— Боюсь, что вы правы, — сказал Николай Сергеевич.

Первые клюнувшие на Тарзана хотели увезти его под Киев. Вообще, они там и жили, но сейчас почему-то гостили в Ленинграде и здесь искали собаку.

— Представляете?! — возмущенно говорила Дина Мионовна. — Под Киев! Как вам нравится? Увезут куда-то к черту на рога — ни навестить, ни проверить... Ах ты мой ласковый...

— Значит, на Украине совсем плохи дела? — спросил Нинин отец. Он говорил теперь с Диной Мионовной, обязательно упираясь указательным пальцем в переносицу. — Своих, так сказать, собак...

— Отчего? — выглянув из Тарзаньей шерсти, ответила Дина Мионовна. Она теперь избегала Николая Сергеевича, а если приходилось разговаривать, то Дина Мионовна садилась около Тарзана на корточки и пряталась за него, как за щит.

— Ну, если такое золото надо из Ленинграда возить, — сказал Николай Сергеевич, — то, вероятно...

— Ах, вы ничего-ничего не поняли, — нервно засмеялась Дина Мионовна. — Совсем,

совсем ничего... Не они не хотят брать, а мы, мы не хотим его отдавать!

— Сознаюсь, — не понял, — сказал Нинин папа. — Кто это «мы»?

— Представляете, — перебила Дина Мионовна, теперь уже глядя на Нинину маму, — там даже язык не тот. «Дюже» и «гарно». Галушки да пампушки. А собака, можно сказать, выросла в Ленинграде.

— Ваша собака случаем Достоевским не интересуется, — спросил, не отрывая пальца от переносицы, Николай Сергеевич, — или ей ближе блоковские мотивы?

— Коля! — вскрикнула Нинина мама.

— Ничего, ничего, — как больному, ласково улыбаясь Николаю Сергеевичу, сказала Дина Мионовна. — Напрасно вы так иронизируете. Ну, сами себя представьте на его месте. Вы вот с детства слышите один язык, а вас вдруг взяли да и перевезли насильно куда-нибудь... В Африку, например. Много вы там поймете?

— Хм, — сказал Николай Сергеевич. — Мне, знаете ли, как-то ни разу не приходило в голову.

— Вот видите! — ласково сказала Дина Мионовна. — Даже не приходило!

— Я, правда, не закапываю обедков в чужую постель, — сказал Николай Сергеевич, — а что касается луж, которые ваш любимец обожает пускать под дверь...

— Минуточку! — закричала Дина Мионовна. — Минуточку! Это вы зря, зря на него! Он просто от радости. Он же бывает счастливым! Тут уж у него рефлекс... Все отказывает...

— У меня, кажется, тоже. Кстати, об Африке, — сказал, поворачиваясь к жене, Николай Сергеевич. — Предлагают поехать поработать.

— Это серьезно? — спросила Нинина мама.

— И, наверно, без семьи? — живо спросила Дина Мионовна, и глаза ее, как в первый приход, скользнули по стенам.

— Кажется, другого способа нет, — нервно улыбаясь, начал Николай Сергеевич.

— Коля! — еще более нервно сказала Нинина мама.

Нинка рассказывала, что вечерами ее папа иногда вдруг поднимал голову от книги и говорил: «В мешок всех, в мешок...»

Семья была в сборе, и Тарзан вваливался в комнату.

— Послушай, — говорил Николай Сергеевич. — Оказывается, не Дина Мионовна генерирует этот запах, а он сам. Она лишь умеет как-то удивительно его сохранять. Научилась аккумулировать.

— Я понимаю, дорогой, что тебе трудно, и я вчера самым решительным образом... Но, может, мы его, правда, пока вымоем? Действительно, что-то он стал пахнуть.

В операции участвовали все. Первое, что Тарзан сделал, когда его общими усилиями поставили в теплую воду, задумчиво поднял лапу и пожурчал.

— Мой отзывчивый! — тоном Дины Мионовны сказал Николай Сергеевич. — Где-то у меня есть прекрасный широкий ремень с тяжелой пряжкой...

— Ты, кажется, действительно не в себе! — вскрикнула Нинина мама. — А если у животного рефлекс? Чем оно виновато?

— ОНО, может быть, и ничем не ВИНОВАТО! — особенно произнося слова, медленно сказал Николай Сергеевич. — ОНО...

ОНО было счастливо. ОНО стало прыгать в ванне и чихать от сложно пахнущей пены.

— Иди, иди, — сказала Нинина мама. — Когда сменю воду, я позову тебя помочь...

В этот день они легли позже часа ночи — во второй воде Тарзан совсем разыгрался, а они забыли закрыться в ванной на задвижку. Тарзан носился по квартире галопом, оставляя на паркете клочья серой пены.

— Ты не хочешь сам принять ванну? — после того, как Тарзан был закрыт в кухне, спросила Нинина мама.

— Я уж лучше завтра в общую баньку, — сказал Николай Сергеевич. — Как-то надежней. Там все же перед тобой собак не моют...

Через несколько дней Дина Мионовна сообщила, что есть люди в Сиверской, которым нужна именно такая собака.

— Ну, наконец, — сказал Николай Сергеевич. — Сами приедут или отвезти? Бросаю все дела...

— Минуточку! Минуточку, Николай Сергеевич! Вы прямо договорить не даете... Они ж хотят посадить на цепь!

Николай Сергеевич посмотрел на Дину Мионовну внимательно.

— Подробное знакомство с характером вашего любимца... — начал он.

— Минуточку! — вскрикнула Дина Мионовна, пряча лицо в шерсть Тарзана. — Вы меня в последнее время все больше удивляете, Николай Сергеевич! Интеллигентный человек, кандидат наук... Должна вам сказать, что у нас в обществе есть профессор, который много лет работает на кухне, потому что комнаты свои уступил животным! И делает это, заметьте, от души, без натуги... У меня, хоть я и не хотела вам об этом говорить, муж в параличе, правая половина отнялась, и речь нарушена, а постоянно держим четыре-пять собак. Но сажать на цепь! Для чего тогда существует общество?

Дина Мионовна сидела на корточках за Тарзаном, как за укрытием.

— Простите, — сказал Николай Сергеевич, — я, право, не был в курсе ваших семейных трудностей, и я едва ли уполномочен отвечать на общие вопросы, связанные с целями вашего общества, но...

— Тут есть еще один проект, — меняя тон на самый мирный, сказала, вставая, Дина Мионовна. — Есть еще одни желающие, и квартира у них отдельная, и пустырь рядом...

— Ну! — сказал Николай Сергеевич. — Ну, так что же?

— Не знаю, как и сказать, — и Дина Мионовна посмотрела на Нинку, которая теперь только молчала, а вечерами шла к закрытию мясного магазина за костями.

— Валяйте! — сказал Николай Сергеевич. — Выкладывайте, что есть!

— Понимаете, я подозреваю, что они ждут ребенка.

— И что же?

— Как это «что»? Сначала «Тарзик» да «Тарзик», а потом? Собаку в заброс? Может, даже кормить вовремя не будут.

— Так, — сказал Николай Сергеевич. — Так.

Он подошел к зеркалу и, улыбаясь, стал зачесывать волосы от шеи вверх на затылок. Жена его смотрела на него с испугом.

— Надо держаться! — вдруг крикнул Николай Сергеевич. — Надо держаться! Во что бы то ни стало!

Через несколько месяцев я встретил Нинку Томашевскую на улице.

— Ну, что, — спросил я у Томашевской. — Как дела? Как ваш Тарзан?

Я был уверен, что его давно уже у них нет. Просто надо же было как-то заговорить.

— Тарзан-то... — сказала она. — Да мы к нему почти привыкли. Но его скоро забирают. Теперь уже точно.

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте! В двести тридцатой квартире
Живет круглощекий картофель в мундире.
В любую погоду, и ночью, и днем,
Повсюду — мундир неизменный на нем!

Послушайте, как растрещался горох!
В семье многодетной — переполох.
На скользком паркете рассыпались дети,
Попробуй собрать непоседливых крох!

Послушайте! Новость у нашей морковки,
Письмо получила от божьей коровки.
В зеленом конверте какая-то весть.
Морковка, пожалуйста, дай нам прочесть!

Послушайте, кто там не спит по ночам?
Купается в чане скрипучий кочан!
Сперва понемножку снимает одежду,
Потом кочерыжкой прыгает в чан!

Послушайте! Нынче у нас на площадке
Светло и тепло, как на солнечной грядке!
Укроп, сельдерей, баклажан, помидор
Поют и играют, а боб — дирижер.

Послушайте! Вот появляется лук,
Мой репчатый, мой ослепительный друг!
Навстречу несется и грустно смеется,
И радостно плачет... И праздник вокруг!

А. КРЕСТИНСКИЙ
Рисунки Э. Копыловской

ХОЛОД И ЖАР ТУНДРЫ

Дома здесь снаружи похожи на огромные железнодорожные цистерны, а изнутри — на просторные салоны самолетов. Круглые и длинные, покрашенные в яркий красный цвет, они сделаны из металла специально для полярных экспедиций и называются балками. Зайдешь в такой балок и окажешься в уютной квартире, где есть прихожая, кухня, комната и даже водяное отопление.

Самое большое здание в поселке — школа. Но незнакомому человеку отыскать ее нелегко: к концу зимы школу занесло снегом по самую крышу. Пришлось ребятам вместе со взрослыми откапывать ее весной на субботнике. Каждое утро со своей учительницей Валентиной Ивановной Тайбарей приезжают в школу дети оленеводов и охотников из соседнего поселка, в котором живут ненцы. В учебе никто не может сравниться с третьеклассником Леной Тайбареем — он круглый отличник. А его приятель Вася Пырерка зато лучше всех читает стихи и неплохо играет в шашки.

Когда в школе подвели итоги первого учебного года, учителя и родители порадовались не только хорошим отметкам ребят. Оказалось, что никто из них за всю зиму ни разу не простудился. «Мы же зимовщики, а у зимовщиков здоровье должно быть крепкое», — разъяснил это обстоятельство Леня Тайбарей.

Следы людей в снегу. Дети играют в снежки. А вон там кто-то из взрослых. Фото В. Никитина

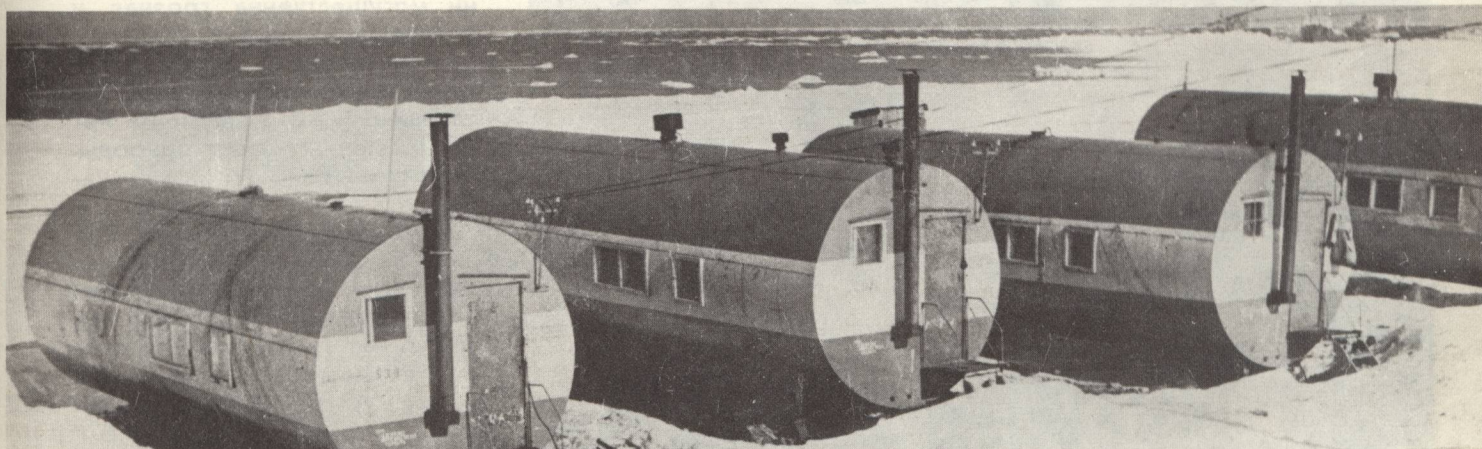

Фото В. Никитина

„МОЯ ПУТЕВОДНАЯ

«Какомей!» — этим возгласом чукчи выражают и восторг, и удивление.

Именно так назвал свою книгу о Чукотке ленинградский художник Андрей Алексеевич Яковлев. Север поразил молодого живописца, ему казалось, что сотни рисунков и этюдов, которые он сделал, не исчерпают всех впечатлений, обрушившихся на него. И он написал две книги: «В семи сантиметрах от полюса» и «Какомей».

Впервые Север открылся ему на Шпицбергене. Художники не требовались, нужны были грузчики. Стал грузчиком.

Потом он отправился со зверобоями на Белое море, бывал и на Чукотке, на Таймыре... И в полотнах Яковлева предстала перед нами Арктика, какой он ее увидел, а главное, понял. А понял он то, что как ни могущественна грозная и прекрасная природа Крайнего Севера, самое важное и самое красивое в ней — люди. Не случайно у Яковлева почти нет изображений только природы. Герой каждой картины — человек.

Всмотритесь в эти лица! Это люди гордые, полные достоинства, уверенные в себе. Они как герои былин. И в то же время нет людей мягче, добрее, отзывчивее. Заходи к ним в ярангу, грейся, ешь, отдыхай!

Художник полюбил людей Севера, и они отвечают ему тем же.

Друг художника чукотский писатель Юрий Рытхэу рассказывал: «Люди, которые живут и действуют на полотнах Андрея Яковлева, мои дальние и

Весна за Полярным кругом (Чукотка)
1967 год

Чукотские оленеводы отец и сын
Чаургины
1972 год

ЗВЕЗДА — ПОЛЯРНАЯ“

близкие родичи. Живописец как бы повернул их ко мне новой, незнакомой для меня стороной. В этих картинах видна любовь Андрея к моему народу, к нашей северной земле».

А старый резчик по кости художник-чукча Туккай сказал, прочтя книгу Яковлева «Какимей»: «Он смотрит на мир нашими глазами и пришел к нам не на время, а навсегда...»

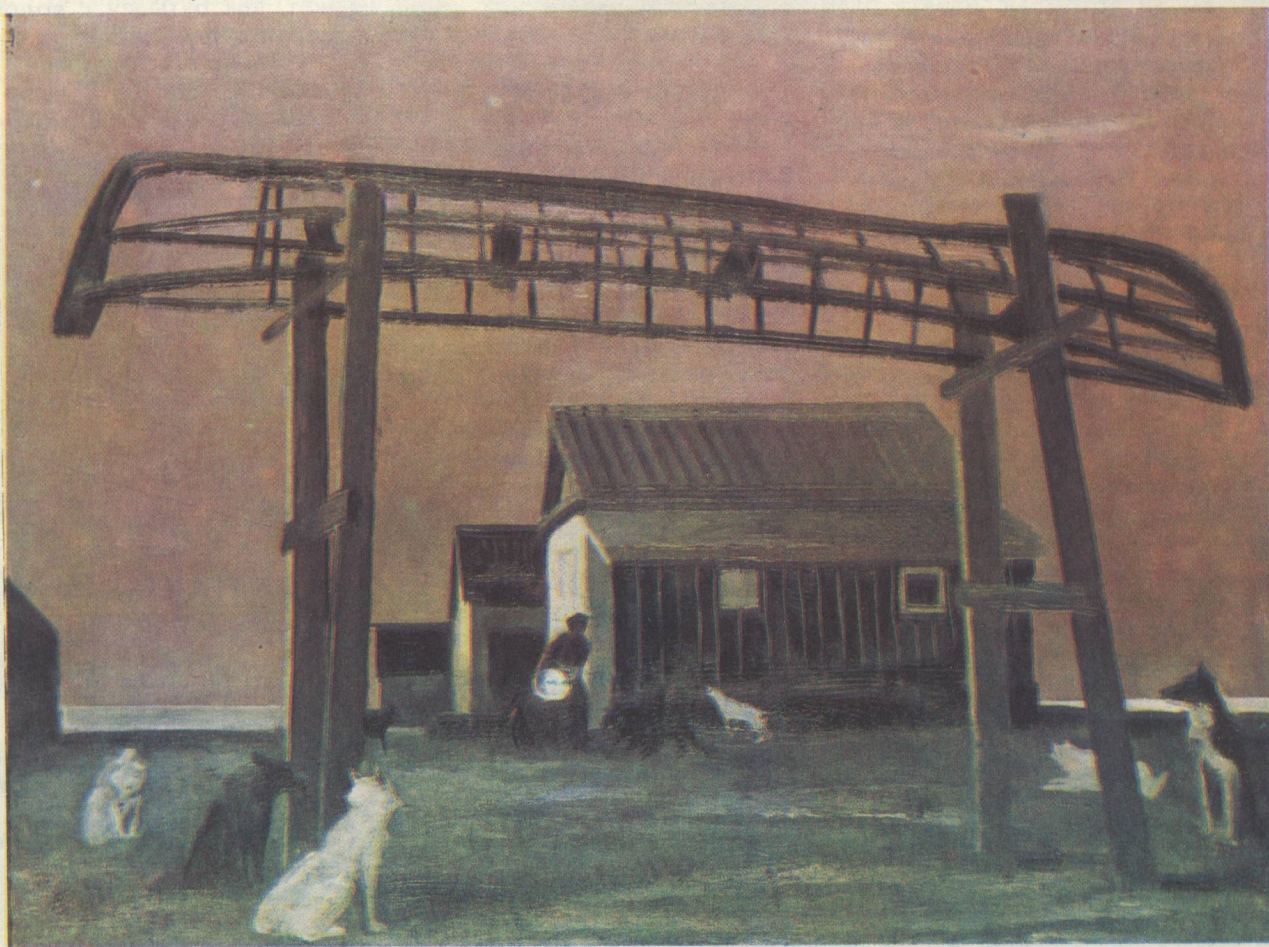
Недаром чукчи называют Андрея Яковлева «тумготум» — друг, товарищ.

Т. ВАСИЛЬЕВА

Состязание (Таймыр)
1966 год

Уэленский вечер (Чукотка)
1964 год

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

СЕРЕБРИСТЫЕ ГОРОДА

«По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура», — писал Михайло Ломоносов более двух веков назад. И тут же с горечью признавался: «А искать оных сокровищ — некому!» Осваивать Крайний Север было Российской империи не по силам.

А сегодня советские люди ведут трудовое наступление на Заполярье. Геологи открывают здесь месторождения нефти, газа, металлических руд. Вслед за геологами идут строители. Они закладывают шахты, возводят промышленные комбинаты и города в таких местах, где и не мыслилось прежде.

Но какими должны быть сегодня арктические города?

ИЗ ЛЕДЯНЫХ КИРПИЧЕЙ!

Попробуйте представить себе дом, целиком построенный из звонких ледяных блоков. И пол — ледяной, и потолок — ледяной, а вместо стекол — хрупкие ледышки. «Бр-р, — скажете вы, — вот, должно быть, там холодина!»

Но инженеров такие страхи ничуть не смутили. Они взяли и построили сказочную ледяную избушку. Она и сейчас стоит на берегу Северного Ледовитого океана. И хотя здесь Дед Мороз не живет, всяческие запасы для покорителей Арктики хранятся в ней превосходно.

Летом, когда за Полярным кругом месяцами не заходит солнце, ледяная избушка, к общему удивлению, не «пускает слезу». Но в этом-то и секрет ученых: новый дом, оказывается, построен из... ледопласта!

— На Крайнем Севере совсем нет строительных материалов, — объясняет заведующий ледоисследовательским отделом Арктического и Антарктического института кандидат географических наук Владимир Васильевич Панов. — Каждый гвоздь и кирпич, каждую доску сюда надо везти кораблем или, что еще хуже, самолетом. Вот почему ледяной «бетон» будет наиболее дешевым материалом.

Как делают ледяные блоки и кирпичи? Ученые в виде опыта замораживали в воде стекловату, солому, опилки, которые заметно упрочняли лед. Но рекордсменом оказалась замороженная древесная пухля — измельченные опилки. Дело в том, что ледовый блок, взятый, например, из реки, хрупок и не выдерживает ударов разбушевавшейся стихии. Но добавьте в воду немного опилок, и прочность льда резко возрастет. Он приобретет механические свойства бетона.

ДОМ НА НОГАХ

...За горбиной берега — Карское море. Оно заковано в броню припайного льда. Полуостров Югорский Шар... На самой северо-восточной окраине европейского континента разместился удивительный исследовательский центр советских ученых — мерзлотная станция.

По узкому заледенелому колодцу вместе с учеными мы

спускаемся в глубокую шахту. При входе в подземные галереи — табличка с надписью: «Береги вечную мерзлоту — закрывай двери!» При свете холодных люминесцентных ламп искрятся под сводами, позванивают от прикосновения сталактиты и сталагмиты древнего льда.

В каждом помещении под землей специалисты поддерживают свою температуру: минус шесть, минус пять... минус три... минус один градус. Здесь, в заиндевевших камерах, в самой сердцевине тысячелетней мерзлоты ученые исследуют свойства вечномерзлых грунтов и ископаемых льдов. Но зачем?

Прочность дома зависит от грунта, на котором он стоит. Вечная мерзлота, как песок, как болото, — основание ненадежное. Ее верхний слой летом оттаивает, затем снова замораживает. Грунт начинает расширяться, вспучиваться. Он может, как бутылку с водой, разорвать фундамент здания.

Именно сотрудники мерзлотной станции дали свой первый совет строителям: до-

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ма на Севере должны подняться высоко над землей на сваях-фундаментах. Сваи глубоко в земле опираются на скованное стужей основание, и дом стоит прочно.

Сегодняшние постройки в Арктике выглядят почти фантастически. Для того чтобы их возвести, не нужно ни капли воды и ни единого гвоздя. На стальных ногах вознеслись над сугробами блоки, поблескивающие дюралевой обшивкой. Весело выглядит поселок, состоящий из таких домиков. Лесенка как трап самолета. Герметичная дверь. За ней — шлюз: тепло надо беречь. Из тамбура-раздевалки вход в прихожую. Все непривычно в этом доме — подогреваемый пол, четырехслойные незапотевающие окна, электропечи-автоматы.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Мечта писателей-фантастов о городе, который целиком уместился бы под одной крышей со всеми своими строениями, в Тюменской области становится явью. На берегах

реки Полуй, которую пересекает трасса северного газопровода, вырастет населенный пункт под прозрачным куполом.

Детский сад и школа, плавательный бассейн и столовая, почта и гостиница, библиотека и спортивные сооружения, магазины — до всего в этом городе подать рукой. Разве неудобно, что в кассу кинотеатра вам не придется стоять в очереди — у каждого в зале имеется постоянное место. У школьников тоже свои преимущества: в каждом классе учится не больше восьми человек. Выходит, каждому учитель уделит больше времени, внимания.

КОРАБЛИ НА СУШЕ

Дом, спроектированный в Ленинграде для северян, уместнее всего сравнить с... кораблем. У здания удлиненные формы, четко прослеживаются острый «нос», «корма»...

— А поселок из таких домов в тундре выглядит словно флотилия в океане, — говорит руководитель мастерской архитекторов Борис Николаевич Баныкин. — Впрочем, борются эти «суда» не с водной стихией. Они вместе противостоят ураганным ветрам, снежным лавинам, хозяйничающим в Заполярье больше ста двадцати дней в году.

Обтекаемые дома, строго ориентированные по направлению господствующих ветров,

лучше удерживают тепло. В городе во время пурги не возникает заносов. Снег скользит вдоль жилья, нигде не задерживаясь.

Кроме дома-корабля, создан и дом-парус. Своим огромным выпуклым фасадом он образует в городе особую зону затишья. В этой зоне строятся школы и детские сады, площадки для отдыха взрослых и игр детворы — там не страшен злой ветер.

ЛИНЗА ДЛЯ ЖИЛЬЯ

Возможен ли дом в виде линзы? Оказывается, возможен. Дом получился так хорош, что такие «линзы» теперь начали строить сериями.

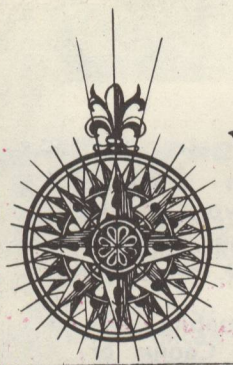
Наружные стены домика, в котором поместилась двухкомнатная квартира со всеми удобствами, выполнены из сантиметрового слоя цемента. Да, скажете вы, тонковато!... Однако стенки, несмотря на маленькую толщину, очень прочны. Дело в том, что инженеры использовали принцип строения птичьего яйца: там толщина скорлупы равна лишь одной семисотой доле его объема.

Оригинальное жилье предназначено тем, кому придется кочевать по Северу — геологам, нефтяникам, лесорубам. С полным набором мебели жилья «линза» весит пять тонн. Значит, ее может перенести вертолет. По тундре дом может тянуть тягач. Так как дом обладает плавучестью, целый поселок из «линз» может буксировать по реке всего один катер.

В. ЧЕТКАРЕВ

Рисунки А. Януса

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 20-й

Корреспондент «Морской газеты» был послан на север, в портовый город Архангельск. Этому городу и посвящается специальный, северный, выпуск.

НОЧНОЙ РЕЙД

Было это в гражданскую войну. В кольцо интервенции сражалось Советское государство. На Север — командовать войсками — был послан Павлин Виноградов, преданный делу Ленина большевик.

Белые и интервенты уже захватили Архангельск. Их военная флотилия поднималась по Двине. Виноградов с пятью пароходами вышел навстречу им...

Готовились к бою. Рубки пароходов вместо брони обмотали стальным тросом. Машины защитили мешками с песком. На носу и на корме поставили трехдюймовые орудия.

Верстах в тридцати от Березника заметили разведывательный пароход белых. Белые встречи не ожидали, и когда по ним ударили из орудий, так растерялись, что посадили пароход на мель. Команда разбежалась. Настала ночь. И тогда Павлин Виноградов задумал смелый маневр. Он знал, что донести о приближении красных теперь некому. Значит, нападения не ждут...

Увеличили ход и еще затемно подошли к Березнику. Видят: на реке с погашенными огнями стоят пароходы. Еще ближе подошли наши. Тишина. Ни звука, ни огонька. «Ну, — подумал Виноградов, — самое время...» И скомандовал:

— Орудия, по неприятелю огонь! Шарахнули снаряды трехдюймовок, застрочили пулеметы, на палубах вражеских кораблей раздались взрывы...

Откуда, кто напал? Белые в темноте и разобрать не могут.

Два часа длился бой. Большой урон нанесли белым. А наши отошли, не потеряв ни одного парохода...

О. ОРЛОВ

МОЙ ПАПА

Папа не раз рассказывал, как еще с детства манило его море. Он мечтал о дальних странах, о голубых айсбергах, о льдах Ледовитого океана. Вырос — и стал моряком. Сначала плавал простым матросом, потом стал учиться.

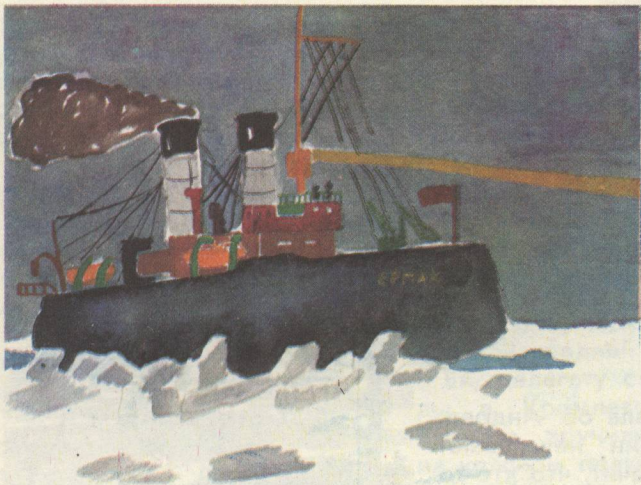
Сейчас папа плавает старшим механиком на газотурбоходе. На судне папу уважают. Однажды, когда судно проходило Северным морем, в корме раздался стук. Что-то случилось с гребным винтом. Водолаза нет. А идти опасно, путь еще далек, три моря надо пройти. Капитан настаивал на том, чтобы вызвать водолаза. «Нет, — сказал папа, — время не ждет. Полезу сам». И, надев водолазный костюм, опустился под воду. Папа починил винт, и судно пошло дальше.

Когда папино судно приходит в Архангельск, я с моим младшим братом Мишей иду к папе. Мы спускаемся в машинное отделение. Меня всегда поражает там удивительная чистота и порядок.

Недавно мы были особенно счастливы: нашего папу, Юрия Васильевича Куроптева, наградили орденом Трудового Красного Знамени. Мы гордимся папой. Мой папа — коммунист. А когда я учился в четвертом классе, наш отряд принял его в почетные пионеры.

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

Из Архангельского порта отплывали многие корабли северных экспедиций. Одним из них был и легендарный „Ермак“

Ледокол „Ермак“ нарисовал Вася Корзинников из поселка Усть-Мая Якутской АССР

НАША ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Как сообщают старинные летописи, в 1600 году Архангельск посетил двадцать один иноземный корабль — зело премного!

Русские же в заморские страны не плавали: не было тогда больших кораблей...

Сейчас в Архангельск приходят сотни иностранных кораблей, а сто пятьдесят наших судов, приписанных к Архангельску, ходят в порты пятидесяти государств.

После рейса папа всегда приходит к нам в отряд, расспрашивает нас о школе, рассказывает о плаваниях, о жизни детей за рубежом.

Я хочу стать таким, как папа. Мой брат Миша тоже мечтает об этом...

Рассказ записан со слов Коли Куроптева, ученика 6-го класса Выселковской школы Архангельска

Юрия Васильевича Куроптева принимают в почетные пионеры. Галстук повязывает Люда Хабарова

НАША ШКОЛА ОСОБЕННАЯ

«...Клянемся всегда и везде беречь и крепить честь родной школы, быть дружными, честными, смелыми, стать достойной сменой морякам Севера!»

Такую клятву дают ребята в нашей школе. Здесь обучают не только всем школьным предметам, но и морскому делу. Морскую форму ребята носят с четвертого класса. После девятого проходят практику на кораблях. Выпускники школы получают и аттестат зрелости, и специальность — матроса, моториста, радиотелеграфиста. Мы учимся быть моряками и любить море!

Вера Петроченко, Оля Узкая, Андрей Поздняков, 7-й класс, школа № 11 города Архангельска

ОКЕАНСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ +

Если посмотреть на морскую карту северных морей, видно, что вдоль берегов идет широкая синяя полоса. На морских картах все наоборот: где светлее — там глубже, где синее — мельче. Значит, северные берега мелкие. Оттого и трудны подходы к северным портам. А в отлив и совсем спадает вода. Того и гляди, зазевавшийся капитан окажется на мели или судно его ляжет на борт...

Для наших северных побережий конструкторы придумали особое судно с небольшой осадкой. В прилив оно подойдет к берегу совсем близко. Вода сойдет, а судно останется на осохшем берегу: днище-то у него плоское, как скамейка. В носу судна откроется большой люк, и — пожалуйста! — можно выгружать грузы прямо в подъехавшие грузовики...

ЛЮБИТЬ СВОЮ ЗЕМЛЮ

И. СЕРГИЧ

Я приехал в поселок Мельниково, что находится в Приозерском районе Ленинградской области, на этот раз в конце мая. Ребята подводили итоги за год и готовились к каникулам. И надо сказать, что каникулы для некоторых уже наступили, как только согрелась вода в озерах. И в тот майский день необыкновенно синело небо и голубилась вода и свежзеленый стоял лес на холмах. Хотелось говорить об отдыхе, о том, как и где ловится лещ — они здесь здоровенные! — как по протокам выбраться на Ладогу или о том, что не стоит ли пройти походом по Волго-Балту...

— Это все будет, — улыбается Вика Матвеева.

Рассказывает член совета дружины Мельниковской средней школы семиклассница Таня Калмычкова:

— Я вот думаю, что наш лучший подарок колхозу — работа на родной земле.

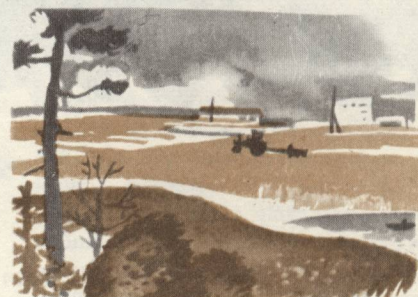
У нас в дружине сто двадцать четыре пионера. Половина учится на «четыре» и «пять», и год мы закончили хо-

рошо. Хотя все же был у нас неисправимый двоечник — шестиклассник Андрюша Дмитриев. Как мы с ним ни бились — задание на осень он получил. И пост взаимопомощи к нему был приставлен, и «открытый портфель» — это когда бригада ребят приходит на дом и проверяет, как готовятся домашние задания... Ничего не помогло!..

Таня рассказала об Андрее. В дружине один неуспевающий. Это не значит, что кто-то иногда не получает «двоек», не подготовит урока. Но этот «кто-то» находится под контролем пионерской дружины и комсомольцев школы. Кстати, когда я беседовал об этом с ребятами, в пионерской комнате народу было более чем достаточно. Сидели здесь и девятиклассники, и семиклассники, и пятиклассники, в общем, изо всех классов были. И младшие, и старшие. Даже школьная «знаменитость» Олег Бураков был. Мы услышали его, еще когда он, громко чеканя шаг, с боевой песней шел

по коридору. Ребята засмеялись: «Бураков на параде!» О его так называемых подвигах ходят по школе легенды. Кому-то нагрубил, урок сорвал... Наверное, такие в каждой школе есть. Так он и вошел в комнату с громкой песней, но вдруг замолк и потом

очень толково вступил в наш разговор. Хотя вроде бы его и не приглашали и вроде бы что ему здесь делать, такому «знаменитому»!

— Ну, а кто у вас отстаёт в учении? Из младших классов? — спросил я старшеклассников, думая, что за своими серьезными заботами они о пионерах забыли.

— Как кто? — удивились восьмиклассники Володя Глазков и Александр Балдин. —

Первый звонок
дает Инна Болотова

Екатерина Петровна
всегда рассказывает увлекательно

Урок географии
в 6-м классе

Это и Рачицкий из шестого, Вахиров и Шафрановский из седьмого, Кукумань из пятого... Правда, они к концу года поднажали...

— Еще бы не поднажать, — усмехнулся мой старый знакомый Сережа Ануфриев, — если мы их так прижали, что им ничего не оставалось делать, как двойки исправить.

— А что же тогда вы Буракова не возьмете в ежовые рукавицы?

— А его и не надо брать, — смущается шестиклассница Рита Богданова и добавляет почти шепотом: — С ним надо ласково. Тогда он все поймет. И учится он ничего...

— Во, во! Ласково! — смеется Сережа Ануфриев.

— А что! — обижается Олег. — Если со мной хорошо, и я хорошо. Вот Екатерина

Петровна... умеет с людьми говорить. И вообще мне в школе стало нравиться.

...С сердечной теплотой говорят ребята о своем директоре школы Екатерине Петровне Мироновой. Это и понятно. Она участник исторического XXV съезда КПСС. Представляла на съезде не только область, район, но и, так сказать, их, ребят Мельниковской средней школы.

Ей, делегату съезда, однажды в Кремлевском Дворце съездов вручили телеграмму на красном правительственном бланке, восточку от земляков.

«МЫ... УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ, ПРОСИМ ПЕРЕДАТЬ ЦК КПСС, ПОЛИТБЮРО И ЛИЧНО ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЛЕОНИДУ ИЛЬИЧУ БРЕЖНЕВУ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ОГРОМНОЕ ВНИМАНИЕ, КОТОРОЕ ПОВСЕДНЕВНО УДЕЛЯЕТСЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ... МЫ ЗАВЕРЯЕМ, ЧТО ПРИЛОЖИМ ВСЕ СИЛЫ И ДОБЬЕМСЯ ВЫСОКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В УЧЕБЕ И ТРУДЕ НА БЛАГО НАШЕЙ РОДИНЫ...»

...— Я хочу быть такой же доброй, как Екатерина Петровна, — признается семиклассница Надя Ланцова. — Не добренькой, а доброй.

— А мне хотелось бы научиться у Екатерины Петровны так же относиться к людям, как она относится. Внимательно и понимающе, — добавляет Вика Матвеева.

— Екатерина Петровна очень много знает, — говорит шестиклассница Лена Ильина, — и мне тоже хочется много знать.

Екатерина Петровна преподает географию. Прекрасный предмет, любимый всегда теми, кто стремится лучше узнать мир, потрудиться на благо народа. Вот уже двадцать два года она работает в этой школе, но каждый раз, когда уходит с урока, ей кажется, что она не все рассказала ребятам. Настоящий учитель всегда и сам ученик. Он учится постоянно. У Екатерины Петровны более полутора тысяч книг. А сколько журналов! Вся ее библиотека открыта для односельчан.

И не только за журналами и

книгами приходят к ней. Екатерина Петровна многие годы выступает на совхозных фермах с лекциями и докладами о международном положении нашей страны, о борьбе за мир, рассказывает о решениях съездов партии, о том, как это касается жизни их поселка. Екатерина Петровна — депутат поселкового совета депутатов трудящихся.

Так живут все учителя школы. Все знания свои, весь свой опыт охотно передают ученикам. Ребята равняются на них и, конечно, на свою старшую пионервожатую. Им хочется иметь такой же пионерский задор, деловитость, как у Валентины Николаевны Матвеевой, бывшей ученицы школы. Сейчас Валентина Николаевна, их пионервожатая, тоже преподает географию.

Рассказывает Вика Матвеева:

— В рапорте съезду мы говорили, что в прошлом году собрали более 25 000 килограммов корнеплодов для совхоза, за первое полугодие сдали больше 700 килограммов макулатуры. В этом году совхоз отвел нашей школьной производственной бригаде 12 гектаров поля. Будем выращивать корнеплоды.

Вырастить — это значит и посадить, и прополоть, если нужно полить, снять урожай и сдать урожаем совхозу. А если два раза пропалывать, то уже будет 24 гектара, а если три... Работа, прямо скажем, не из легких. Частично и от того, как ребята справляются с заданием, зависят надои совхозного молока.

При школе есть участок, где работают пятиклассники и четвероклассники. Шестиклассники ведут летопись трудовой славы поселка. Они хорошо знают передовых работников совхоза. Пионеры — частые гости на фермах, на заседаниях совхозного клуба. Они выступают и с концертами. Совхозные рабочие — частые гости в дружине. Хорошо прошел сбор «Россия — родина моя», посвященный знатным людям совхоза. А их в совхозе не так уж мало — героев труда! Ничего удивительного, что ребята в курсе всех совхозных новостей: здесь, в школе и совхозе, они учатся водить трактор, автомобиль, овладевают «елочкой» — доильным аппаратом.

— Мы равняемся на взрослых! — с гордостью говорит шестиклассник Юра Чернявский. — Может, на доску почета кое-кто попадет. Рядом с дояркой Марией Федоровной Волковой или шофером Леонидом Степановичем Козловым!

— Наши ребяташки, — говорит Екатерина Петровна Миронова, — учатся на совесть и труд любят.

Когда строили новую школу, буквально все помогали. Даже малыши таскали мусор. И что мне радостно: двадцать два выпускника школы остаются у нас, в сельском хозяйстве. Значит, ребята полюбили свой край, свою землю.

БОЛЬШАЯ

Ай-Теранти я знаю и помню ровно столько, сколько знаю и помню самого себя. Потому что родились и выросли мы в одном чуме, у одного огня, под одной оленьей дохой. Но так уж заведено в жизни, что у каждого человека свои пути, свои дела и заботы и не каждый год бывают встречи даже с самыми дорогими друзьями. Наверное, поэтому наши редкие встречи с Ай-Теранти — всегда праздник. О двух из них я и хочу рассказать.

Это было лет двадцать назад, когда, встретившись после долгой разлуки, мы возвращались в родную деревню. В ту пору я уже учился в Ленинграде, а в кармане Ай-Теранти лежал аттестат об окончании Березовской средней школы.

Чтобы скорее добраться до деревни, мы решили идти через горы. Тайга купалась в искристо-синем мареве. Над тайгой, на самом горизонте, сливаясь с безоблачным небом, синели гребни Урала. Глядя на них, Ай-Теранти сказал: «Помнишь, как тетя Акулина пела нам песню — „Кай-я-тик! Кай-я-тик! Как бегут мои олени по спине Урала жесткой, по хребтине осетровой“».

ОЛЕНЬЯ ДОРОГА

Юван ШЕСТАЛОВ

Рисунок Ю. Шабанова

Я согласно кивнул головой. А как же? Конечно, помню! Разве может человек забыть свое детство? Какое бы оно ни было — оно ведь только одно!

И вообще, что такое для манси тайга? Тайга — это скупой кормилец, дававший иногда зверя, но всегда наполненный злыми божествами. А горы — это высота, открытое место, где живут добрые существа. Каждая скала — это окаменевший предок манси, добрый дух и покровитель человека. Одна гора — покровитель охотников, другая — покровитель рыболовов, промысляющих крылатую рыбу — хариуса и тайменя, третья гора — щедрый покровитель оленеводов, пасущих по ее склонам свои тучные олени стада.

О каждой такой горе манси может рассказать целые легенды. Но не будешь же их рассказывать Ай-Теранти, который и сам знает их не хуже меня.

Мы шли и молчали, хотя думали об одном и том же. И кедр, сосны и лиственницы не нарушали нашего молчания. Кедр был темно-зеленый, кудрявый. Сосны стройные, не чахлые, как в низине, и зелень у них легкая,

воздушная, где с каждой заиндевевшей веточки улыбалось солнце. Почему оно улыбалось? Я думаю, потому, что шли мы с Ай-Теранти по «большой оленьей дороге», по которой сотни лет подряд каждую весну гоняли наши предки стада оленей в сторону Урала. Дорога была не прямая. Она петляла по гривам холмов, стараясь обходить болота с низкорослым карликовым соснячком. Конечно, на настоящую дорогу она вовсе не похожа — просто обыкновенная широкая просека с огромными стволами поваленных бурей деревьев. Никакой машине здесь ни пройти, ни проехать. Но олень пройдет, и оленевод пройдет. Для них это дорога жизни.

До деревни мы добрались только к вечеру. Самонадеянный, в модном городском костюме, прыгая весь день с кочки на кочку, я был таким усталым, что уже не помню, как нас встречали и что говорили родственники. Но хорошо помню... просыпаюсь и во рту ощущаю оленью шерсть — я укрыт шубой моей тети, лежу на мягком — оленья шкура. Над моей головой серый сумрак — это тоже шкура, гладкая, посеревшая от времени.

Я рассматриваю ее. Она склонно убегает от моего глаза, все выше и выше... Наверху я вижу синий узор. Это на связанные черные жерди наброшен лоскуток синего неба. Где я? Я в чуме.

Рядом со мной кто-то похрапывает... А, это Ай-Теранти. Головы наши лежат на одной белой парке!

У ног моих высится что-то темное, горбатое. Я вглядываюсь в серый сумрак и смутно вспоминаю щедрый огонь железной печки. Но ногам тепло, их греет, свернувшись в калачик, Питюх — собака моей тети.

Сквозь связанные жерди чума смотрят на меня бледные звездочки.

«Зиуз, зиуз, зиуз!» — звенит в ушах, звенит на улице. Что это такое? Это звенят не звезды — звезды весной тихие. Это звенит не луна — она сейчас мягкая. Это звенит морозный, осенний снег: олени, наверно, подошли к чуму, и снег поет под их копытами. Неужели я забыл эту песню?

Легкий озноб прошел по спине, побежал к ногам, потом вернулся и остановился где-то около сердца. Я натянул на голову шубу, стараясь надыхаться теплого воздуха. В это время Питюх отодвинулся от моих ног — и стало еще холоднее. Шуба была теплой. Но она не прилегала плотно к спине. Из-под еловых веток, под которыми царствовал снег, ползли струи холода. Невидимые, они подбирались ко мне со всех сторон... Я приподнял голову. Стало светлее. Вон я уже вижу расшитую орнаментом шубу сестры Ай-Теранти. Под нею, наверно, укрылось все ее семейство. Где-то среди шкур в берестяной люльке спит и их малыш...

Все спят спокойно: и дети, и взрослые. Даже не шелохнутся, как листья, когда нет ветра.

Головы людей лежат словно по окружности. А сами они — будто радиусы, тянущиеся от окружности к центру. У всех ноги сходятся у печки, у центра. Удивительно, ни один не лег головой к печи. Даже я и то почему-то лег, как все. Странная геометричность спящего чума немного отвлекла меня, и я забыл про холод. Вот передо мной люди, которые, наверно, каждое утро испытывают эти ощущения и не замечают их. И не философствуют. А я почему-то философствую и вспоминаю об удобствах своей городской квартиры.

Неужели я уже не таежник?

Слышу, и Ай-Теранти о чем-то вздыхает. Неужели и он о том же? Между тем кое-кто уже встал. А тетя Акулина уже копошится у печки. Вот она берет сухие, приготовленные с вечера лучины. Чирк спичкой — мгновение, — и уже трещит железная печь, и уже струится мягкое, нежное тепло, без которого чум будто холодное подземное царство.

На столе железная зеленая чашка. В ней хлеб, сухарики, печенье. Но не это главное лакомство. Скоро на столике появляется мерз-

¹ Меховая одежда.

лая оленья печень. Брат Ай-Теранти подсаживается к столику, скрестив под собою ноги. В руках у него сверкает лезвие ножа. И на чистую деревянную доску ложится тоненькими стружками мерзлая-премерзлая вкусная-превкусная печень оленя.

Темно-красные стружки печени тают на языке. Кажется, просыпается в теле каждая жилка — так вкусно! И всякие мысли, и летающие на легких крыльях, и бредущие тяжелыми шагами, исчезают, как тени.

Потом долго тянули чай из блюдец, круглых, как луна.

А огонь в печи трещал и говорил все задорнее и веселее. И люди вокруг огня говорили о сегодняшнем дне, о завтрашнем, и, конечно, об оленях. О чем же говорить оленеводу? Только Ай-Теранти молчал, о чем-то глубоко задумавшись.

Урал, тайга, оленевод, рыбак... Раньше таежнику, конечно же, не приходилось ломать голову о выборе профессии... Еще в звонком детстве тайга манила его в свою таинственную лесную чашу.

Если не удачна охотничья тропа — можно испытать себя на рыбном промысле. Река такая же кормилица, как и тайга. И большую рыбу не всякий поймает. Но мечтать о ней может каждый. Потому что рыба плавает в речке, которая рядом.

А если не хочешь стать охотником и рыбаком — можно завести оленей.

Вот и все профессии. Больше профессий в тайге не было. А нынче?.. Нынче совсем другое дело. Начнешь выбирать — голова может закружиться. Впрочем, у Ай-Теранти она не закружилась.

Колхозники попросили его стать заведующим колхозным клубом. Затем комсомольцы района избрали своим вожаком — секретарем райкома ВЛКСМ. Но самое примечательное: никуда не уезжая из родных мест, он заочно окончил институт и поступил учиться в аспирантуру. Теперь Ай-Теранти партийный работник Ханты-Мансийского окружного комитета партии. В первые же минуты нашей встречи я спросил, чему посвящена его научная диссертация. Ай-Теранти искренне удивился: «Как чему? Конечно же, вопросам оленеводства. Понимаешь, здесь столько нерешенных проблем и столько возможностей, что обо всем сразу не расскажешь. Речь идет не просто о технической оснащенности оленеводческих хозяйств мотонартами и портативными радиостанциями, а о качественном изменении организации труда и жизни оленеводов».

И тогда я подумал: ученый-олeneвод — это новый человек тайги и тундры. И таким человеком стал Ай-Теранти. Харамзин Ай-Теранти. Человек из моей деревни, человек из моего детства.

Но почему родители прибавили к его имени частичку «ай»? «Ай» означает «маленький». Неужели они считали, что большой бывает только оленья дорога?

СТАЛЬНОЙ УЗЕЛ

В гости хотелось приехать с подарками. И вот сидели несколько человек и долго ломали головы: что же такое везти в Сибирь?

Вдруг кто-то рассмеялся:

— А что, если привезем стальной прут? Завяжем его узлом и подарим?

Через несколько дней этот странный узел, укрепленный на красивой подставке, был вручен начальнику строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Он ничуть не удивился. Он поставил его на свой рабочий стол. Подарку ленинградцев начальник строительства был очень рад.

Почему этот стальной узел так понравился ему, спросите вы. За ответом надо отправиться на берега Енисея.

Вот он — Енисей. Зажатый скалами Карлова створа, он бьется в этих узких воротах. Посмотришь на водовороты, сразу поймешь: нрав у реки бешеный. Но именно в этом месте должна встать плотина гидроэлектростанции.

Она сдержит натиск могучего Енисея. Вот мчится бревно. Ныряет, крутится, пропадает в пене и выскакивает вновь. Река с размаху бросает его на камни...

Совсем как Гулливер, я перегибаюсь через скалы, дотягиваюсь до середины реки. Два пальца вынимаю бревно из воды. Енисей плещется у самых ног. Захожу — перешагну его. И ствол дерева спокойно уместается на ладони. Это не я великан, это река маленькая. Тот Енисей, к которому мы пришли, течет не в Сибири, а в Ленинграде. Ученые научно-исследовательского института гидротехники построили в одной из лабораторий точь-в-точь такую же реку, как в природе, только гораздо меньших размеров. Сделали ее, чтобы как следует изучить характер Енисея. Без этого не подступишься к нему — настоящему, не сможешь его укротить.

Каждое утро приходили исследователи в эту лабораторию, включали, почти как мы у себя в ванне, воду. И сибирская река начинала пениться, кружиться и... рассказывать ученым о себе. Гидротехники многое о ней узнали.

Они измерили скорость течения Енисея в том месте, где будет стоять плотина. Оказывается, мощному железнодорожному экспрессу не угнаться здесь за рекой. Они устро-

или на своей «комнатной» реке настоящее весеннее половодье. И увидели, что волны плотины будут подниматься высотой с двухэтажный дом! Какая же преграда сможет выдержать такой напор воды?

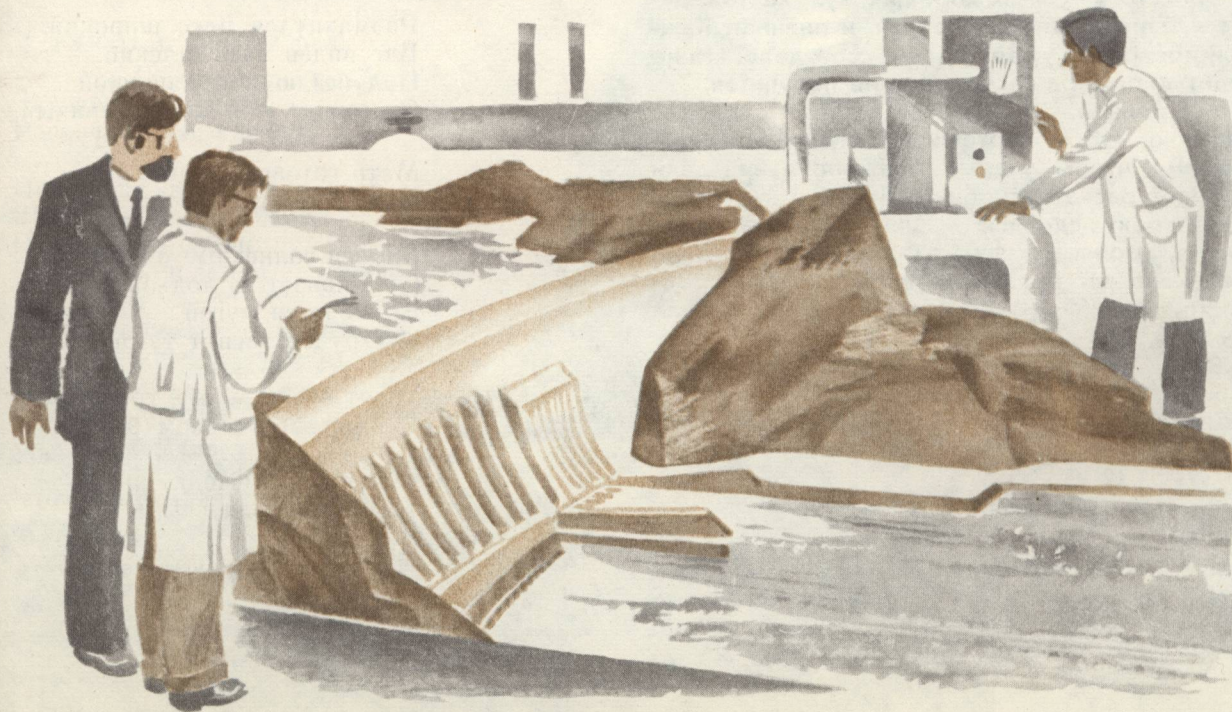
На этот вопрос ответили ученые уже другого института. Того, где проектируются плотины, — Ленгидропроекта. Они познакомились с выводами гидротехников и засели за чертежи.

И вот готов проект плотины. Посмотрели на него специалисты и только руками разводили. По расчетам ученых вышло, что кривая линия здесь «короче» прямой! Обычно плотины, которыми перегораживали реки, строились точно по струнке. А на Енисее она должна была изогнуться дугой. Зачем? Оказывается, именно такая «дуга» надежнее удержит сердитую реку. Плотина станет как будто пружинить, когда на нее начнет давить 25 миллионов тонн енисейской воды.

Но все равно заграждение на Енисее должно стать самым большим в мире. Длина его — километр, а высота — 242 метра. Вот какая машина! И вся она должна быть из бетона.

Но ведь нужен, видимо, и какой-то особый бетон? Оказалось, да.

И специалисты начали... лепить кубики. Они брали песок, гравий, воду, подсыпали туда

цемент и все это хорошенько размешивали. А потом раскладывали по формочкам. Смесь застывала, превращалась в камень. Тогда исследователи доставали эти кубики и разрушали их. На бетонные кубики давил пресс, они рассыпались, но именно это и нужно было ученым. Они замечали, какая сила нужна, чтобы разрушить кубы, и по ней судили о качестве бетона. В конце концов был изобретен особый бетон — «саянский». Он мог поспорить с силой Енисея.

Вот такая плотина выстроилась на чертежах и в расчетах. А на самом Енисее сейчас работают машины и экскаваторы. В том месте, где будет ГЭС, строители отвели поток воды в сторону и строят плотину. Бетона для нее нужно много. Только на его укладку строители должны были потратить несколько лет. Техника у них, конечно, самая лучшая. А все-таки будь она совершенней, дело пошло бы быстрее.

Новую технику взялись создать ленинградцы. Рабочие на заводе подъемно-транспортного оборудования создали такой подъемный кран, какого ни в одной стране нет — специально для Саяно-Шушенской ГЭС. Он будет самым главным «лицом» на стройке. Ковш у этого крана с небольшую комнату. И за пять минут он поднимает бетон на высоту Петропавловского собора. С такой машиной плотина начнет расти скорей.

Но мы все разговариваем о плотине. А ведь гидроэлектростанция — это и турбины, которые станут крутить река, и генераторы, вырабатывающие ток. Это и огромные опоры для проводов, по которым пойдет энергия в города, на заводы, в шахты.

В Ленинграде больше пятидесяти предприятий выполняют заказы Саяно-Шушенской ГЭС. Среди них и те, о работах которых мы только что узнали, и многие другие. Вот от них всех и вручили ленинградцы начальнику строительства ГЭС тот странный подарок — стальной узел на подставке.

Почему все-таки узел? Попробуйте соберите оркестр из самых хороших музыкантов. Будут и барабанщик, и скрипач, и пианист. Каждый прекрасно умеет делать свое дело. Но не будет дирижера — концерт не получится. Так и со стройкой.

Нужно, чтобы чертежи строители получили вовремя, чтобы ученые без опозданий дали рабочим расчеты турбины, чтобы сами рабочие к сроку сделали машины и механизмы. Нужно, чтобы музыканты слаженно сыграли свой концерт. Для этого ленинградские предприятия и сибирские строители и заключили договор.

Как в узел связали они свои обязательства, обещая без опозданий выполнить все заказы Саяно-Шушенской ГЭС. В стальной узел — его не разорвешь.

Н. ЛИНКО
Рисунок А. Ежелина

В. ЛЕДКОВ

Рисунок К. Претро

НА ПУТИНЕ

Мы с отцом сидим на веслах.
Сто мужчин¹, сто ненецов взрослых
Не пускают сеть ко дну
На большую глубину.

Размахнулся плес широкий,
Еле виден чум далекий.
Над безлюдною равниной
Он торчит, как палец длинный.

Мать готовит ужин в нем,
Наклоняясь над огнем.

Брызги солнечные пляшут,
Сеть ползет за лодкой нашей,
Выгибается дугой
И струной звенит тугой.

Ходят весла — ну, гребни же!
С каждым взмахом берег
ближе,
И трепещет в лодке рыба —
Серебра живая глыба.

¹ Ненецкая загадка про рыболовную сеть: сто мужчин тянет вверх, сто — вниз (поплавки и грузила).

ПУТЬ ЧЕРЕЗ МИССУРИ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА „СЫНОВЬЯ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ“

Лизелотта ВЕЛЬСКОПФ-ГЕНРИХ

Рисунки К. Овчинникова

„ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ“

Мертвая тишина воцарилась над землей, месяц побледнел, и занялся рассвет. Колонна беглецов остановилась, и Хавандшита, жрец, на глазах у всех раскурил священную трубку. Он заговорил, и его слова глухо звучали в утренней тишине. Это были те самые слова, которые дакоты всегда произносили при восходе солнца:

— ...мы благодарим тебя, Великий и Таинственный, за то, что ты ведешь нас, и мы просим тебя, не покидай нас, дай нам пищу и мир...

Мужчины и женщины слезли с коней. Лошади, у которых сквозь зимнюю шерсть проступали ребра, принялись щипать траву. Пошли по рукам бурдюки с водой. Женщины и дети, получив свой крошечный кусочек мяса, медленно и долго жевали. Запасы были на исходе, и до вечера еды больше не предвиделось.

Колонна казалась огромной змеей, греющейся на утреннем солнце. И вот она снова пришла в движение. Воины во главе с вождем поехали справа от выючных лошадей. Лошади ступали друг за другом не отклоняясь. Начался спуск с холмов, и никто не знал, откуда и когда может напасть враг.

С расположенной впереди высоты донесся сигнал разведчика: путь свободен. Вождь Токей Ито обогнул последний холм, и перед ним открылась ровная бескрайняя прерия.

Воины щурили глаза — им приходилось смотреть против слепящего солнца. Враги, вероятнее всего, могли появиться с востока. Разведчики побежали вперед и исчезли. Их вел Вождь волков — Шунктокеча.

И снова двигались дакоты по безмолвствующей земле. Токей Ито беспрестанно прислушивался и всматривался в даль.

...Около полудня он заметил, что кто-то пробегает к ним в траве. Это оказался Шунктокеча.

— Рэд Фокс уже разгадал хитрость Бобра, — вполголоса заговорил делавар. — Он вернулся в форт с «длинными ножами»*, убедился, что нас там нет, и понял, что Бобер обвел его вокруг пальца. За твою голову, Токей Ито, назначена большая награда. Многие охотники согласились отправиться добывать твой скаल्प; вождь. Я их обнаружил на юго-западе от нас, у холмов.

Делавар заметил бурдюк, который подал ему Хапеда, и попил. С раннего утра он был на ногах, и до вечера еще предстояло немало побегать.

Перевалило за полдень. Было душно, солнце палило. Часке на коне клевал носом, но Хапеду, узнавшего столько новостей, сон не брал. Когда наступил вечер, они опять увидели Шунктокечу, который снова вернулся из разведки и что-то сообщал вождю.

После этого Токей Ито двигался без остановок. Маленьких мальчиков и девочек пришлось усадить в меховые мешки, потому что они от усталости падали с коней. Но Хапеда и Часке крепились, ведь не зря же их после похождения в пещере Большой Медведицы назвали «медвежьими мальчики». Вместе со спасенным ими медвежонком они были теперь символом рода медведицы, надеждой племени.

Второй день колонне удавалось уходить от преследователей.

Девочка по имени Грозовая Тучка сидела на своем мустанге, широко раскрыв глаза. В душном воздухе повеяло прохладой. Стал доноситься странный шум, и предчувствие серьезной опасности охватило девочку. Грозный шум нарастал. Он исходил от Большой Илстой воды — Миссури.

Взору беглецов открылась протянувшаяся с запада на восток глубокая и широкая речная

* «Длинные ножи» — так называли индейцы солдат армии США, вооруженных саблями. (Прим. переводчика).

долина, сейчас по ней катились мутные волны.

Вождь приказал остановиться в южной оконечности лога. Грозовая Тучка, как и все, направила туда своего коня. Место здесь было спокойное, хорошо укрытое от врага. Очутившись под прикрытием склона, все слезли с коней. Волокуши были сняты, и животных согнали в табун на восточном склоне лога. Грозовая Тучка тоже освободила своего коня от поклажи и отвела в табун пастись.

Она вытащила из мешка путешествующего с ними медвежонка. Покормила его. Вместе с Насмешливой Синицей они отнесли жерди-волокуши к имуществу Бобра. И только теперь девочка позволила себе улечься на траве. Она смертельно устала и сонными глазами уставилась на мутно-желтую глинистую воду. К северу лог расширился, и сюда из долины катились все новые и новые волны. Тонкие ветви ив и берез сиротливо торчали из воды и сгибались под напором потока. Пузыри пены всплывали на поверхность взбаламученной воды. Кольхались принесенные водой деревья: их прибывало к крутому, поросшему травой склону.

Грозовая Тучка закрыла глаза. Но до ушей ее доносился и шум воды, и тихие голоса Уионы и Ситопанаки. Вдруг брызги упали ей на лоб и она очнулась. Месяц сиял золотым ночным блеском.

Все вокруг было в движении. Грозовая Тучка увидела медвежьих мальчиков. Это они брызнули ей в лицо водой. Мальчики со смехом сбегали вниз по склону и бросились в ледяную воду посреди плавающих деревьев. У обоих в зубах были ножи. Грозовая Тучка позволила Уионе сунуть ей в рот кусочек мяса и, преодолевая апатию и усталость, стала медленно его жевать.

Тем временем Хапеда и Часке вынырнули из воды, сопя и отдуваясь, они махали длинными ивовыми прутьями, которые срезали под водой. За ними стали нырять и другие мальчики. А женщины уже разворачивали бизоньи шкуры для изготовления лодок. Индейцы не взяли с собой лодок: ручьи и небольшие реки прерий даже во время половодья можно легко преодолеть верхом. Если все же оказывалось, что без лодок не обойтись, женщины делали из прутьев незамысловатый остов и обтягивали его шкурами. Эти плоскодонные лодки получались круглыми и плохо управлялись, зато их можно было быстро изготовить в любой местности.

Токей Ито подошел к лодке, которую уже закончили Уиона и Ситопанаки, и потрогал ее, испытывая прочность. Теперь Грозовая Тучка увидела, что рядом с вождем стоят Четанзапа и разведчик по имени Черный Утес, или Ихазапа. Токей Ито выпрямился, и девочка услышала, как он сказал Четанзапе:

— Я с твоими сыновьями испытаю ее.

Грозовая Тучка посмотрела вокруг, но медвежьих мальчиков нигде не было видно. И вдруг из взбаламученной воды лога появились

их головы. Мальчики с трудом пробрались сквозь прибитые к берегу деревья и выбрались на косогор. С их волос стекала вода, а сами они дрожали от холода и отряхивались, как мокрые собаки. Конечно, они и не собирались признаваться, что их едва не вынесло в стремнину. Мальчики чихали, кашляли, отплевывались. Они отдали свои прутья и не замечали, что вождь смотрит на них.

— Скорее! — повелительно шепнула Грозовая Тучка. — Вы поплывете сейчас с вождем через реку.

Мальчики вздрогнули от неожиданности.

— Да, — сказал Токей Ито, потому что он, кажется, тоже услышал эти совсем не ему предназначавшиеся слова. — И медведя своего тоже возьмете с собой. В прерии появились вражеские всадники. Их уже видно с вершины. Мы теперь между двух огней. Хавандшита посоветовал и медвежонка Большой Медведицы и вас обоих переправить через реку, чтобы род Большой Медведицы продолжался, даже если мы все и погибнем. Я вам говорил, как нам надо строить свою новую жизнь на том берегу. Хау. — Вождь повернулся к Четанзапе.

— Ты, — сказал он, — будешь распоряжаться наверху, — и взглядом указал на вершину. — А ты, Ихазапа, ты хорошо плаваешь и пойдешь со мной. Если удастся, я вернусь.

Четанзапа подошел к сыновьям и обнял их за плечи. Он не знал, суждено ли им будет когда-нибудь встретиться.

Хапеда и Часке бросились к своему бурому четвероногому питомцу, подняли его с травы, взяли на руки. Медвежонок заворчал, попытался вырваться и так проехался по лицу Часке своими желтыми когтями, что у того потекла кровь. Токей Ито забрал его у мальчиков, и медвежонок сразу обхватил вождя лапами за плечи, стал лизать ему шею.

Под прикрытием склона Токей Ито направился к долине. Ихазапа пошел с ним. Мальчики вдвоем подняли легкую лодку, изготовленную Уионой и Ситопанаки, взяли по два коротких весла. Луки и колчаны со стрелами были уже при них. Ножи в ножнах. Так они и побежали вслед за вождем.

Подошла Уиона, сунула Грозовой Тучке в руки миску с мясом.

— Беги, — сказала она, — отдай им. Миску пусть оставят при себе на случай, если в лодку попадет вода.

Грозовая Тучка кивнула. Она побежала по склону наперерез и скоро догнала их.

Вождь остановился там, где лог выводил в долину. Мальчики спустили лодку на воду и сели в нее: Грозовая Тучка подала им миску с мясом. Она крепко удерживала лодку за весло, а вождь тем временем усаживал медвежонка. Испуганный медвежонок покорился и дал усадить себя в это валкое суденышко. Мальчики устроились поудобнее и взяли к себе луки, колчаны и лассо мужчин. Грозовая Тучка отпустила весло, и мальчики оттолкну-

лись от берега. Как раз в этот момент нахлынула широкая волна из долины. Она подхватила лодку, как скорлупу, и отнесла на середину затопленного лога.

Мальчики взяли по веслу и принялись гребсти: вторая пара весел была запасная. Вождь и Ихазапа прыгнули в воду и поплыли. Они широко и сильно загребали руками, и плечи их то и дело показывались из мутной воды. В один миг догнав лодку, они стали толкать ее к открытому устью лога. Легкие плоскодонные кожаные лодки и на спокойных реках требовали помощи пловцов.

Следя за ними, Грозовая Тучка шла по поросшему травой склону. Когда же лодка добралась до выхода в долину, девочка уселась на землю и с безмолвным ужасом стала смотреть на открывшуюся перед ней картину. Необозримый поток мутной воды залил все. Не было видно ни песчаных берегов, ни зеленых лугов, ни красноватых бугров, о которых она столько слышала в детстве. Илистая вода несла обломки льдин, на них громоздились пласты дерна, сучья, и эти островки плыли, пока их не поглощали водовороты. Целые деревья с кронами и корнями неслись наполовину погруженные в воду и неожиданно исчезали. Трупы животных — антилоп, овец, бизона — появлялись на поверхности и снова пропадали в пучине. И над этим потоком смерти сияли звезды. Вдали еле заметно чернел противоположный берег.

О, Мини-Сосе — Илистая вода, как ты страшна!

Лодка вышла из затопленного лога, и ее подхватило течение. Грозовая Тучка видела, как борются с волнами пловцы, то появлялись, то исчезали их черные головы. Пловцы заставляли лодку двигаться наперерез течению. Словно рыба, выскакивал вождь из воды и толкал суденышко все дальше и дальше. Оно кружилось и плясало. Мальчики пытались гребсти веслами, но толку от этого было мало.

Лодка становилась все меньше и меньше. Ее быстро несло течением, и скоро она исчезла за изгибом реки.

Вернувшись, Грозовая Тучка увидела на склоне много кожаных лодок. Перевернутые вверх дном они лежали на траве. И все имущество: палатки, шкуры, оружие, миски и горшки было подготовлено и уложено. Молча, неподвижно сидели вокруг женщины и дети. Маленькие девочки и мальчики спали в гнездышках, устроенных им матерями. Среди расположившихся на отдых людей паслись лошади. Собаки лежали, свернувшись калачиком, и поглядывали на вернувшуюся девочку.

Грозовая Тучка подбежала к Насмешливой Синице и уселась рядом с ней. Появились Чапа-Курчавый и делавар. Воины стали тихо говорить между собой. Девочка поняла, что они говорят по-английски. Значит, они хотели, чтобы их разговор остался втайне.

— Хавандшита хочет гибели Сыновей Большой Медведицы, — сказал делавар. — Он по-

слал нашего вождя и мальчиков на верную смерть. Зачем вы слушаетесь его?

— Его устами говорят духи.

— Он лжет.

Мужчины поднялись и пошли. Возможно, они обратили внимание на выражение лица Грозовой Тучки, но они, конечно, не подумали о том, как подействовали на девочку их слова. Ложь — это было наисквернейшее, наихудшее из преступлений, и кто обращался к ней, был достоин смерти, так учили ее. Жрец Хавандшита солгал. Может быть, его злые духи станут преследовать медвежьих мальчиков, Токей Ито и Ихазапу в реке? Как она, девочка, может помешать этому? К тому же она была наедине со своей тревогой, ведь Насмешливая Синица не знала английского языка и не поняла, о чем говорили мужчины. Грозовая Тучка приласкалась к своей приемной матери, и Насмешливая Синица обняла ее.

Между тем мальчики и оба пловца продолжали борьбу с течением. У них не было времени для сомнений и страха. Их жизнь была залогом жизни Сыновей Большой Медведицы, и они боролись.

Мальчики упирались ногами в мохнатого медвежонка и гребли изо всех сил. Вдруг они услышали грохот выстрелов и заметили облако дыма над берегом.

И в этот же момент Хапеде ожгло висок. Он невольно положил весло и схватился за голову. Кровь! Значит, Рэд Фокс и его охотники уже достигли реки и стреляют по лодке! Юный дакота потащил своего друга Часке поглубже в лодку и согнулся сам. Мальчики прижались к перепуганному медвежонку. И тут у Хапеды все поплыло перед глазами. У него не хватало даже сил что-нибудь сказать. Он почувствовал, что ему торопливо перевязывают голову, и впал в забытие.

Лодка провалилась между двух бурунов, вздыбилась, едва касаясь дном воды, чуть не перевернулась. Она остановилась, затем снова ринулась вниз среди пены и брызг, мутная вода стала плескаться через борт. И Часке понял, что они на середине потока. Он погрузил в воду весло, но неведомая сила вырвала весло из его рук, и оно исчезло. На миг Часке увидел в желтых гибельных волнах лицо вождя, и тотчас оно снова скрылось в потоке.

Неуправляемую лодку некоторое время тащило и вертело течением, потом сильно трянуло, и она остановилась. Часке перевалился на другой конец лодки — не помогло, лодка не двигалась, словно лежала на земле. Часке осмотрелся.

Перед лодкой торчала из воды вершина бугра. Время от времени волны перекатывались через нее, и трава была смыта вместе с почвой. Итак, они на мели! Значит... значит, середина реки позади, ведь такие бугры не могут

торчать в русле. Значит, под ними уже залитый водой берег.

Что же делать? Это должен сказать Токей Ито.

Где он?

Часке заставил себя сохранять спокойствие. Он решил еще раз как следует осмотреться вокруг.

Поблизости пловцов не было видно. И в бурлящих струях реки и водоворотах — тоже ничего...

Оставалось одно — ждать. Ждать, пытаюсь успокоить судорожно бьющееся сердце. Только бы оно так не стучало!

Итак, он среди необозримого потока. Ничего, кроме воды, вокруг него нет: враждебная стихия и над ней равнодушный и даже словно насмешливый месяц. Грязна и зла желтая вода. Вот мимо на земляном, островке проплывает живая коза. Тощая-тощая. Часке видел ее разинутую пасть и вытаращенные от страха глаза. Вот совсем рядом она, вот еще миг... Часке не выдержал и отвернулся. Когда он снова взглянул, уже ничего не было. Все поглотил водоворот: землю, деревья, козу. Только несколько клочков пены кружилось еще над этой могилой.

Но вот ветер пронесся над студеной водой. На западе, выше по течению зубчатым огнем

сверкнули из тучи глаза Гром-Птицы. Сквозь клокотание воды донесся глухой раскат. Это кричала Гром-Птица. Холод сжал сердце Часке, и по спине побежали мурашки. Он не мог столкнуть лодку с мели, не мог грести, не мог добраться до берега. И Хапеда все еще не приходил в себя.

Ждать — тяжелое слово, когда надвигается гроза, а ты один посреди клокочущих вод. Мальчик растерянно озирался вокруг.

— Токей Ито! Токей Ито! — в отчаянии позвал он. — Токей Ито!

Шум воды и ветра захлестнул его голос.

Ответа не было. Вокруг все клокотало. Часке прикрыл руками глаза: если нет больше надежд, остается одно — броситься в реку и умереть.

Нет, нет! Он должен ждать, долго ждать, ждать до тех пор, пока не станет таким же тощим, как коза...

— Токей Ито! Токей... Ито...

И еще раз свершилось чудо. Из Иистой воды показалась голова, вся в тине.

— Токей Ито!!!

И вот вода ему уже до колен и он бредет к лодке. На руках у него тяжело дышит Ихазапа.

Вождь молча положил обессиленного пловца на чуть выступающую из воды верхушку

холма. Он долго возился с ним, пока молодой воин не встал на ноги и не выплюнул воду. Некоторое время Ихазапа еще шатался, держался за вождя и откашливался.

— Меня затянул водоворот, я и не надеялся, что ты меня вытащишь.

Вождь осмотрел лодку, и от Часке не укрылось, что Токей Ито тоже еще не может отдышаться. Но он, кажется, и не помышлял о передышке. По его знаку мальчик снова занял свое место в лодке, а Токей Ито стал толкать лодку, пока ее не подхватила вода. Он снова поплыл рядом, а Ихазапа последовал за ним.

И опять лодка заплескала по грозящим гибелью мутным волнам. Но после того, что уже миновало, все казалось Часке совсем не таким страшным. Лодка повиновалась усилиям Токей Ито, мимо проплывали деревья и льдины, где-то вдали гремел гром и сверкала молния.

Высокий берег был совсем рядом, лодка входила в небольшую бухточку. Вот ее еще раз подняло, словно на спине вздыбленного коня, и она плавно скользнула на пологой волне к берегу. Часке почувствовал толчок, и оба пловца, выскочив на отлогий, поросший травой склон, подхватили лодку. Токей Ито кивнул Часке, чтобы он вылезал. Ноги у мальчика совсем одеревенели, и он едва выбрался на сушу. Вождь вынес бесчувственного Хапеду,

вытащил медвежонка, оружие. Потом вытянул лодку на берег.

Часке опустился на траву. Он съел немного мяса, как велел вождь.

Но мысли его еще бурлили, как вода в долине. Он был не в состоянии ни радоваться, ни огорчаться.

Токей Ито поднялся и посмотрел на небо. Мальчики тоже глянули вверх: нависшие над долиной тучи бросились им в глаза. Хорошо, что переправа закончена. Вождь перекинул через плечо свой светлый лук и колчан, набитый стрелами. Теперь он смотрел на север. Там в утренних сумерках лежала поросшая высокой травой волнистая прерия. У горизонта различались пологие холмы, похожие на горы Блэк Хиллс, которые они покинули. Взгляд Токей Ито остановился на этих далеких, поросших лесом горах.

Что же собирается предпринять Токей Ито? Здесь на берегу спасенные Часке, Ихазапа, Хапед и медвежонок, но остальные, что были на той стороне, еще и не замочили лодок, они оставались между двух огней — бандой Рэда Фокса и разбушевавшейся стихией. Мать, отец, Грозовая Тучка, Уинона...

— Я пошел вверх по течению, — услышал мальчик слова вождя, обращенные к трясущемуся от холода Ихазапе. — Нас снесло да-

леко вниз. Как только Гром-Птица перестанет кричать и прольется дождь, а он вот-вот начнется, я поплыву назад. Ты останешься здесь с мальчиками. Двигайтесь к лесным горам, которые вы видите на севере. Перед этими горами заканчивается страна Большого Отца из Вашингтона, и вы попадете на земли Большой Матери*, которая не станет трогать наших палаток, если мы сумеем сами о себе позаботиться. А чтобы все было как надо, вы должны найти в горах человека по имени Адамс. — Токей Ито достал небольшой мешочек. — Отдайте ему это золото, и он купит для вас землю, на которой вы сможете жить свободно.

Молодой вождь шел по берегу вдоль реки. Часке смотрел ему вслед полными слез глазами.

Молния расколола небо и с грохотом ударила в землю. Ее холодный свет озарил страшную желтую воду. Гром-Птица кричала и билась крыльями. А далеко на высоком берегу виднелась фигура вождя, который, невзирая на молнию и гром, продолжал свой путь.

Часке подтащил Хапеду поближе к себе, и они прижались к Ихазапе.

Мокрый медвежонок тоже приткнулся к ним. Ветер со свистом гнул кусты.

И снова нужно было ждать и ждать.

В то самое время, когда измученный Часке засыпал рядом с Ихазапой, а Токей Ито совершал обратный путь, с Чапой-Курчавым происходили пренеприятнейшие события на другом, южном, берегу.

Воин находился не на высоте, где расположилось большинство мужчин, чтобы отразить вражескую атаку. Он укрылся в ложине, впереди других. С тяжелыми предчувствиями смотрел он на тучи, что затаили небо, и на разыгравшийся в долине мутный поток. К грохоту потока присоединился шум дождя. И сквозь грохот, сквозь шум ливня до Чапы доносились звуки выстрелов. Красный Лис был хитер и воспользовался ненастьем, чтобы незаметно подкрасться со своими людьми. Вот выстрел прозвучал совсем неподалеку от Чапы и пуля скользнула по его волосам. Ну нет, дорогой Лис, до этого еще не дошло, скальп у Бобра держится не так-то плохо! Курчавый схватился за лук, и его стрелы с зазубренными костяными наконечниками полетели в сторону врага. Он покинул укрытие и под завесой дождя стал перебегать с места на место: пусть они думают, что тут полно воинов. По нему стреляли, но Бобер оставался неуязвим. Когда дождь начал стихать, стрелы у него были на исходе. Но, кажется, врагам было уже и этого достаточно. Хитрец потихоньку вернулся в укрытие и снова притаился.

Как только прекратился дождь и стало чуть светлей, Бобер тщательно огляделся.

* Большая Мать — английская королева Виктория.

Что?.. Нет, нет, этого не может быть!

Бобер даже схватил себя за волосы, чтобы убедиться, что не спит.

Не более чем в десятке шагов от него на траве сидел человек — молодой индеец, до смешного похожий на Татокано, с которого Бобер недавно содрал старый генеральский мундир.

Юнец сидел, скрестив ноги, и капли дождя блестели на его франтоватом проборе, скатывались по лоснящейся от жира коже. Нелепо выглядел этот щеголь.

Должно же быть у него оружие? Нет, ружья или лука во всяком случае не было, а вот нож и палица, кажется, торчали за поясом.

И ничего подозрительного на всем мокром от дождя лугу. Молодые воины племени, что лежали на порядочном расстоянии от них, ничем себя не выдавали. Да и заметили ли они этого странного франта?

Бобер решил сразу же выяснить в чем дело. Он тихо выбрался из своего убежища и стал подбираться к парню сзади. Он полз, выставив вперед себя ружье, и то смех разбирали его, то закрадывалась тревога.

Бобер лег позади юнца, так, что мог достать до него рукой. Может быть, враги следят и он выдаст себя, если попытается что-нибудь предпринять? Но и терпеть этого нахально рассевавшегося здесь гуся он тоже больше не мог.

Бобер поднялся на ноги и, обхватив ничего не подозревавшего юнца сзади за шею, медленно уложил его на землю. Тот и не думал сопротивляться. Он не дергал ногами, не пытался схватиться за оружие, а спокойно улегся, подчиняясь руке Бобра, на траву и смотрел на него. Это и верно был Татокано, или, как называли его белые, Эдди.

— Такого еще со мною в жизни не случилось, — сказал Бобер и ослабил хватку; потом он совсем отпустил пленника и улегся рядом с ним. — Что ты торчишь тут, как ветка сливы, которая хочет вырасти под дождем?

— Я ждал тебя, — расплываясь в улыбке, ответил Татокано.

— Меня? Ждал?

— Ты сохранил мою генеральскую форму?

— Да, ты все-таки непроходимо глуп. О твоей ли форме мне сейчас думать? Как ты попал сюда?

— Я прибежал во время дождя. Фрэд Кларк — Великий Лис, точно объяснил мне, где дожидаться тебя.

Бобер широко открыл глаза.

— Так. Значит Рэд Фокс был тут, когда завязалась перестрелка, и видел меня?

— Да. Он сказал, что ты смелый воин и что для меня большая честь получить в жены девушку из твоей палатки.

Бобер даже плюнул, что было нелегко сделать лежа на спине.

— Так, и потом он послал тебя сюда...

— Да. Он сказал, что мне нужно остаться с тобой.

— Нужно тебе остаться или нет — это ре-

шит Токей Ито, а не Рэд Фокс, понятно тебе? «Генерал» заметно заволновался.

— Ты же мне обещал...

Бобер даже начал злиться:

— Но ты же должен был прийти к нам на ту сторону Мини-Сосе в будущем месяце, когда истекает срок твоей присяги «длинным ножом». Что тебе надо у нас сейчас? Посмотри на залитую водой долину. Может быть, ты хочешь переплыть ее?

— Нет, я и не собираюсь переплывать ее, — и «неотразимый Эдди» усмехнулся.

— Наконец-то я слышу от тебя разумные слова, бывший обладатель мундира. Я только скажу тебе, что сейчас сам Токей Ито борется с этими волнами.

— О! О! Значит, он еще не преодолел их?

— Он уже там, на северном берегу! Вам его уже не поймать.

Эдди пожевал губами и повел вокруг глазами.

— Но ведь это трусость, — произнес он некоторое время спустя. — Сам переправился, а вас оставил тут.

Бобер поплотнее придвинулся к болтуну.

— Еще одно такое слово — и оно будет последнее для тебя.

Эдди-Татокано совсем был сбит с толку.

— Мы думали, что он еще тут... Тогда бы ты мог с ним поговорить...

— Я буду еще много и подолгу разговаривать с Токей Ито, когда мы все переберемся через Миссури.

— Но вы не переправитесь через реку, потому что Фрэд Кларк этого не хочет! — тут Эдди даже стал заикаться, очевидно соображая, как же ему теперь поступить, что говорить, как выполнить то, что ему поручено.

— Посмотрим. Несколько ваших ружей нас не испугают.

— Нас немало и мы сильны! — погрозил фронт тоном генерала. — Но к вам мы не питаем зла, — Эдди-Татокано стал говорить быстрее, кажется вспомнив, что от него требовалось. — Вы никому ничего плохого не сделали и можете вернуться в резервацию или идти в Канаду. Фрэд Кларк несколько не возражает. Фрэдди — очень большой воин, и ему нужен всего-навсего скальп Токей Ито.

Лицо Бобра исказила гримаса, это не предвещало ничего хорошего. Но юный фронт этого не заметил и невозмутимо продолжал:

— Да, вы, правда, украли у «длинного ножа» Роуча много мустангов, но это все уладится, если вы вернете их назад. Тогда вы сможете идти куда захотите.

— Без Токей Ито?

— Ну конечно. — Эдди-Татокано расходился все больше и больше. — Хитрый Бобер отлично во всем разбирается, поэтому-то именно ему Рэд Фокс и предлагает поговорить с Токей Ито. — Молодчик понизил голос. — Кто его не боится, тому он подчиняется.

Бобер мрачно молчал.

— Токей Ито, конечно, не рассказывал вам, как Шонка назвал его однажды сыном предателя. Он сразу тогда смолк и позволил обыскать его. И я дотронулся до него... (Касание воина означало у индейцев победу над ним).

Татокано не замечал, какое действие производили его слова на Бобра.

— Кто не боится Токей Ито, против того он бессилён. Ты должен потребовать, чтобы он сдался нам. Тогда вы будете свободны. Вы станете нашими братьями.

Бобер все еще не проронил ни слова.

— Теперь ты понял? И я смогу вернуться к вам, как только Токей Ито будет мертв. Он не потерпит меня в ваших палатках, ведь он не забыл, что я видел его таким беспомощным. А если его не будет... Медовая Кровь станет моей женой!

У Бобра в руках оказалась палица.

— Вот! — крикнул он. — Смотри! Это твоя смерть!

Татокано рванулся было бежать, но Бобер удержал его. Один-единственный удар — и жизнь тщеславного предателя оборвалась.

Бобер опять заполз в свою ямку и принялся высматривать врагов.

Пока с Бобром происходили эти удивительные и неприятные события, Четанзапа стоял у западной оконечности лога и смотрел на вздувшиеся воды реки. Они не стали ни ласковей, ни покладистей. Позади Четанзапы, в лагере Рода Медведицы слышалось заунывное погребальное пение по сородичам, павшим от рук белых во время ливня. Пес Токей Ито — Охитика, поджав хвост, подвывал на том самом месте, где мальчики сели в лодку.

Четанзапа обнаружил возвращавшегося пловца раньше, чем собака. Улыбка разгладила складки на его лице. Этот пловец, конечно, не кто иной, как Токей Ито.

А вот и Охитика заметил. В дикой радости он завертелся на месте и даже отважился было броситься в воду и поплыть к своему господину, однако, заметив, что поток уносит его, он тотчас же повернул назад и выскочил на берег.

Токей Ито достиг твердого грунта и вышел на сушу. Вода ручьями сбегала с него. Он сбросил руками тину, налипшую на плечи и запутавшуюся в волосах.

Медленно пошли они к лагерю, и Четанзапа сообщил вождю обо всем, что произошло. На берегу стояло еще несколько мальчиков и стариков. С ними был и Хавандшита. Женщины и дети уже не спали и тоже смотрели на возвращавшегося вождя. Грозовая Тучка выбралась из-под своего одеяла и встала на склоне. Девочка боялась упустить хотя бы слово из разговора воинов.

— Твои сыновья на том берегу, — сказал вождь Монгшонше.

И Монгшонша распрямилась как трава, которую после засухи напоил дождь. Грозовая Тучка моментально закрыла лицо руками. Ей было стыдно проявлять свою радость, и она

убежала. Четанзапа еще слышал, как она звала свою подружку — Ящерку, чтобы сообщить ей новость. Воин был необыкновенно рад и благодарен вождю за то, что тот доставил мальчиков в надежное место. Но говорить благодарственные слова за такие вещи было не принято.

Четанзапа молча смотрел, как Токей Ито обтирался, накинув на себя кожаное одеяло. Уинона приготовила в миске мясо. Если Черный Сокол не ошибся, это был кусок медвежьей лапы. В зимнее время она не успела испортиться, сейчас же от нее шел легкий душок.

Токей Ито не выразил неудовольствия, прижавшись за еду. Пустую миску у него взяла Ситопанаки. Четанзапа смотрел на девушку из племени черноногих. Каждое движение этой дочери вождя, когда она выполняла даже такое обычное дело, было исполнено гордости и искренней преданности. Видит ли это и Токей Ито?

Вождь снова поднялся. Он взялся было за ружье, но ему сказали, что Шунктокеча израсходовал последние патроны. Не говоря ни слова, он взял лук со стрелами и направился с Четанзапой вверх по склону, чтобы оценить обстановку.

В удрученном молчании прошел наступивший день. Мутная вода, голубое небо, зеленеющие луга... Паслись мустанги... Женщины словно окаменели, они ждали. Когда наступил вечер, Уинона подошла к Грозовой Тучке, дала ей сверточек с мясом и попросила с наступлением темноты отправиться вверх по течению к обрыву, отнести мясо Хитрому Бобру.

Дождавшись заката, Грозвая Тучка побежала к убежищу своего дяди.

Бобер с делаваром углубили свою ямку, превратив ее в настоящую нору. Бобер сидел в ней один: делавар отправился куда-то на разведку.

Он приветливо встретил девочку, втащил ее к себе в яму.

— Что ты принесла мне? Кусок старой лошади?

В этой шутке девочка почувствовала грусть и поняла, что дядя сейчас совсем не до еды. Бобер развернул сверток, понюхал мясо, снова завернул его, сунул в уголок и присыпал землей.

— До прихода Шунктокечи, — пояснил он.

Грозвая Тучка могла бы теперь, собственно, и уйти, но ей хотелось побыть еще с дядей, услышать от него еще хоть слово.

— Ну, что скажешь? — спросил Бобер, продолжая вести наблюдение сквозь бойницу, проделанную им в земле.

— Я знаю, что уайтчичуны* больше не стре-

ляют, и что Гром Гор был у них и вел с ними переговоры, и что Токей Ито...

— Оружие будет молчать до завтрашнего вечера, — сказал Бобер, не отрываясь от бойницы. — Если мы к этому времени не выдадим Токей Ито Рэду Фоксу, уайтчичуны снова начнут стрелять.

— Но вы же не предадите вождя! — решительно, чуть ли не приказывая, сказала девочка.

— Нет, мы не оставим его, — и в голосе Бобра прозвучало что-то такое, что немного успокоило девочку.

— Дай же мне посмотреть, — попросила она.

Дядя пропустил ее вперед. Ему пришлось совсем согнуться, а Грозвая Тучка поднялась на цыпочки и стала наблюдать. На юге она разглядела пасущихся коней: всадники, видимо, лежали в траве.

— Но ведь их так много, — заметила девочка. — И они все время были так близко от нас?

Лошади, освещенные луной, казались девочке очень близко, хотя на самом деле они были еле различимыми точками.

— Нет, они не были так близко. Но во время перемирия эти койоты осмелели и заметно придвинулись.

— Да, — произнесла Грозвая Тучка, — нам остается одно — бороться. И если мы не сможем победить, лучше умереть. Я девочка, но уверяю тебя, что и я не боюсь: медвежьи мальчики уже на той стороне.

— Это хорошо.

Грозвая Тучка выкарабкалась из ямки и побежала в лагерь.

Миновала и эта ночь. Проснувшись, Грозвая Тучка подумала, что начался последний день перемирия.

Наступил полдень. Лошади перестали пастись. В это время в лагере появился Бобер. Казалось, он хромал теперь сильнее, чем раньше. Он направился к мустангам. Гнедой, на котором он обычно ездил, поднялся на дыбы, увидев хозяина. Бобер прижался к коню и потрепал его черную гриву. Он ждал.

И, хотя как будто ничего и не случилось, неуловимая тревога распространилась по лагерю. Жрец Хавандшита замолк и, не отрываясь, смотрел на вершину, где в траве прятались воины дозора. Там вдруг показался Четанзапа, а сбоку, из долины — Шунктокеча. Он не спешил. И в выражении лица его и в осанке была какая-то растерянность, не позволявшая задавать ему вопросов.

И, кажется, задрожал, словно в лихорадке, сам воздух, когда, наконец, показались Токей Ито и Гром Гор. Их обнаженные грудь и спина были выкрашены красной краской — цветом крови.

* Белые мошеники.

Когда вожди подошли к старому жрецу, Четанзапа, Шунктокеча и Бобер были уже рядом с ним.

Токей Ито заговорил спокойно и негромко: — Я созвал вас, — донесли до женщин его слова, — чтобы сообщить, что я принял решение. Как вы знаете, перемирие продлится до заката солнца. Потом «таинственное железо» уайтчиунов снова заговорит, если Токей Ито, сын Матотаупы, не сдастся Рэду Фоксу. — Вождь сделал небольшую паузу. — Я известил Фрэда Кларка, что согласен поговорить с ним. Если он тоже согласен, то должен был сообщить мне об этом в течение часа пополудни. Его посыльный был тут. Вы видели, как он ушел.

— Лучше бы он тут и не появлялся, — сказал Четанзапа.

Вождь как будто бы и не слышал этих слов.

— Фрэд Кларк подъедет с юга к подножию высоты, как только увидит, что я направляюсь туда. Я хочу выслушать его и дать ему ответ. Вы будете меня сопровождать.

Слова вождя звучали так, будто бы он говорил о совершенно посторонних делах. Но закончил он тоном, не допускающим никаких возражений.

Воцарилось молчание. И молчание это не

означало согласия. Глаза Четанзапы сверкнули, но вождь жестом приостановил его.

— Вы станете сопровождать меня и выслушаете, что будет сказано. Такой мой приказ. Никто не ответил.

Токей Ито почтительно поклонился Хавандшите и сопровождаемый Громом Гор пошел по склону холма к табуну. Четанзапа, Шунктокеча и Чапа тоже поднялись, но не тронулись с места.

Вожди прошли к лежащим наготове лодкам, направились мимо женщин и детей. Грозовая Тучка потупила взор. Она увидела перед собой ноги вождя в мокасинах, вышитых Унчидой. Шаги его замедлились. Вождь остановился около девочки.

— Грозовая Тучка боится? — спросил он.

— Нет! — решительно ответила девочка с неожиданной для самой себя уверенностью. — Токей Ито — наш вождь. Сын Большой Медведицы заставит убийцу Матотаупы бороться. Он убьет убийцу своего отца, потому что тот достоин смерти. Токей Ито поведет нас через Илистую воду к новой жизни.

Все это девочка выпалила без запинки, единым духом. Отчетливо и звонко прозвучали ее слова, и она сама удивилась своей смелости. На обоих вождях и нерешительно двинувших-

ся за ними воинов девочка тоже, видимо, произвела впечатление. Они серьезно взглянули на Грозовую Тучку, и воины больше уже не проявляли сомнений.

Воины пошли за вождами к коням. Грозовая Тучка опять тихо опустилась на свое место и смотрела вслед мужчинам. Унчида погладила ее по голове и сказала:

— Хорошо.

Воины сели на коней и направились вверх по склону в широкую прерию.

Всадники скакали галопом. Вытянувшаяся далеко на юг высота скоро осталась позади. Она казалась мирной и спокойной. Только глаза воинов, знакомых с искусством маскировки, различали своих укрывшихся товарищей на ее склонах. Делавар скоро увидел вражеских всадников. Среди них было заметно движение. Потом от них отделились три точки и, на глазах увеличиваясь, стали быстро приближаться к дакотам.

Шунктокеча не спускал глаз с вражеской группы. Большая широкополая шляпа их предводителя была ему знакома. Всадник ехал на золотисто-рыжем коне.

Убийца таки отважился! Он ехал! Стремительно сокращалось расстояние между несущимися навстречу друг другу всадниками.

И вот коней круто осадил. Оба предводителя оказались друг против друга. Позади них — остальные. Все замерли в тишине — ни единого слова, ни приветствия.

Точно сговорившись, сопровождающие в один и тот же момент направили своих коней справа и слева от своих вожakov, как бы прикрывая их с флангов. Черный Сокол и Гром Гор встали теперь слева от Токей Ито, Шунктокеча и Бобер — справа.

Делавар мог теперь без помех разглядывать вражеских всадников: в середине в широкополой шляпе — Рэд Фокс, справа от него — предатель Шонка, слева — худой длинный охотник. Делавар знал его еще по тем временам, когда служил у белых людей на канадской границе разведчиком. Его называли Шарлеманем.

И все еще не было произнесено ни слова. Шунктокеча посмотрел на Токей Ито. Вся фигура вождя была олицетворением спокойствия, такого спокойствия, которое можно было сохранять не то что часы, а, пожалуй, и целые дни. Казалось, кровь в его жилах забылась в чутком сне и не пульсирует больше ни на шее,

ни на висках. Руки его поперек спины коня спокойно держали ружье. На запястьях были еще заметны следы от оков.

Делавар знал, что нервы белых людей не выдержат и они нарушат молчание.

Рэд Фокс соскочил с коня. Топот его тяжелых сапог был первым звуком, раздавшимся в напряженной тишине. Он сорвал с головы шляпу, обнажив огромный череп с огненно-рыжей шевелюрой, и сделал три шага по направлению к вождю дакотов. Токей Ито оставался на лошади и сверху взирал на своего врага. Правой рукой он слегка подобрал повод, потому что Буланный потянулся к подошедшему и оскалил зубы.

Рэд Фокс рассмеялся — хрипло, принужденно, и губы его снова сомкнулись на желтых зубах.

— Проклятие! — сказал он. — Гривастый дьявол еще помнит меня! Мы не переносим друг друга... — он неопределенно махнул рукой. — Был однажды случай...

Токей Ито закусил губы и опустил веки — ни слова лишнего, ни взгляда.

— Хе! — отрывисто бросил Рэд Фокс. — Итак, ты здесь, Гарри, это хорошо! Тебе известно, как обстоят дела?

— Нет, — неприязненно и с насмешкой ответил Токей Ито.

— Нет?! А как же твой обмотанный лыком посланник... — он показал на черноногого, — или он не осмелился доложить тебе? Ну так я объясню тебе, что тут происходит. — Рэд Фокс говорил громко, чуть не срываясь на крик. — Вы хотите переправиться через Миссури! Ты не слепой, ты ее видел. Вся долина — сплошная река. Раньше чем через десять дней вода не спадет. Десять дней — это не мало. Мне их вполне достаточно. У нас — порох и пули. У вас их нет. Зато у вас куча баб и детей. И все ясно, все совершенно ясно. Стоит мне только захотеть, и от вас останется кучка трупов. Но мне это ни к чему, мне нужен только ты. Итак, пошли, мой друг! Сегодня мы разочтемся, и все между нами будет кончено.

Токей Ито не отвечал.

— Все еще не решаешься? — у Рэда Фокса даже слюна потекла, как у алчущей собаки. — Все еще нет? Ну, я не стану упрекать тебя за долгое раздумье. Наверное, страшновато, а?

Вождь молчал.

— На молчании ты далеко не уедешь. Впрочем, такое поведение, наверное, и должно приличествовать настоящему вождю, исполненному своего достоинства и, как мне известно, сыну весьма почтенных родителей. Вот ведь и у Топа, у твоего старика, было что-то подобное, впрочем, когда он бывал трезвым... Ну, ну, не обижайся! Когда я вижу тебя, я вспоминаю прежние времена. Несмотря ни на что они были получше. Мы иногда с тобой сможем и вспомнить о прошлом там, в резервации, если ты пойдешь со мной, понимаешь?..

Вождь безмолвствовал.

— Ну, я тогда тебе объясню, — сказал Рэд Фокс, расстегивая свою кожаную куртку (Шунктокеча обратил внимание на его руки — такие костлявые лапищи). Распахнув куртку, он достал из левого внутреннего кармана бумагу. — Вот, возьми почитай.

Токей Ито не шелохнулся. Рука его продолжала натягивать повод.

— Что? Ты не хочешь? — Рэд Фокс засунул бумагу обратно и стал тщательно застегивать куртку так, будто бы закрывал ворота какой-то крепости. — Ты меня еще попросишь, чтобы я дал тебе это почитать, только будет поздно!

Когда пальцы с плотными ногтями справились с последней пуговицей, глаза Рэда Фокса полыхнули зеленым огнем.

— Собака! — возопил он, и кровь прилила к его лицу. — И ты ничего не слышал от своего прилизанного сообщника? Не слышал, что я велел тебе передать? Ты можешь вернуться, любезнейший Токей Ито, и ты станешь вождем в резервации. День, когда я тебя доставлю, принесет мне счастье. Не говори только опять «нет», Гарри, я тебе не советую! Ты уже однажды сказал мне «нет» и был за это наказан! Не делай этого еще раз! Все знают — со мной шутки плохи! — Рэд Фокс злобно усмехнулся. — Вот, посмотри на мою кобылу, узнаешь? Она принадлежала твоему покровителю, седовласому майору Смиуту. Он тоже вздумал мне перечесть. Хе! Он мертв! И в земле, где он зарыт, холодно. Может быть, вода, которая так разлилась, добралась и до его костей. И ни крест, ни сабля тут не спасают! — Рэд Фокс снова усмехнулся: — Шут гороховый!

Токей Ито не проронил ни звука. Да и слушал ли он?

Делавар посмотрел на кобылу, что стояла позади Рэда Фокса. Эта лошадь, принадлежавшая раньше майору Смиуту, была благороднейшим животным с какими-то особенно выразительными глазами. Бока ее были обогрены кровью, и Шунктокеча со злобой взглянул на тяжелые шпоры ее нынешнего хозяина. «Койот, — подумал он, — убийца...» Он, не отрываясь, смотрел на животное, за которым ему когда-то приходилось ухаживать. И кобыла подняла голову, наострила уши. Может быть, и она узнала бывшего разведчика?..

— Упрямый краснокожий! — снова крикнул Рэд Фокс вождю. — У тебя отнялся язык. Что же толку говорить с немым?! Впрочем, мы обо всем с тобой поговорили. Довольно. — И он отвернулся от Токей Ито и шагнул к Бобру и Шунктокече. — Я ничего не имею против вас, — хрипло сказал он. — Можете идти обратно в резервацию или переправляться через Миссури в вашу Канаду. Только этого, — он показал на Токей Ито, — этого вы с собой не возьмете. Он отправится на виселицу.

Шунктокеча размахнулся, но Рэд Фокс перехватил удар, поймав его руку. Словно клещами, он сжал его пальцы и оскалил зубы делавару в язвительной усмешке. Это была безмолвная схватка руки с рукой, и Шунктокеча

почувствовал свое бессилие. От мучительной боли пот залил его лицо.

Рэд Фокс отпустил его.

— Мы понимаем друг друга! Подумайте хорошенько! Скальп, — еще одно бесстыдное властное движение руки в сторону Токей Ито, — за скальп будет хорошо заплачено. Поездка в Вашингтон и двести долларов тому, кто его мне доставит. У вас есть еще до утра время. Но лучше, если вы поторопитесь. Моим охотникам цена тоже известна!

Рэд Фокс снова повернулся и шагнул к Токей Ито.

— Подумай и ты об этом в последний раз. Неужели им всем придется умирать только из-за того, что ты трус? Когда-то Понтиак, великий вождь, был побежден белыми, и он бесстрашно принял смертельный удар от своего краснокожего брата...

Рэд Фокс пошел к своему коню.

— За удар этот, кстати, было тоже неплохо заплачено, — мимоходом сказал он Шунктокече. — Из-за золота тебе нет смысла оставаться с ним. Золото ты получишь и у нас.

Делавар просто уже не мог видеть этого человека.

А тот вспрыгнул в седло, дал шпоры, и лошадь его поднялась на дыбы.левой рукой он натянул поводья, правой снова сорвал с головы шляпу. Порыв ветра разметал его волосы.

— Мерзавец! — с яростью крикнул он. — Зачем же ты явился сюда?! Зачем носишься тут и заставляешь меня зря тратить время?! Я тебе не мыш, с которой можно играть!

И тут он опустил коня. Видимо, промелькнуло что-то на лице вождя, чего не заметили воины, но что не ускользнуло от внимания врага.

— Гарри?!

— Я согласен.

Всадник на рыжей кобыле издал какой-то шипяще-свистящий звук.

— Гарри?.. — ошеломленный, он одним ма-

хом нахлобучил свою шляпу. — Так поехали!

— Через шесть дней, если все воины племени со своими женами и детьми переправятся через реку, я буду ждать тебя на этой высоте. С оружием. Хау.

Рэд Фокс уставился на вождя.

— Ты что, с ума сошел? Ты думаешь, я выйду с тобой на единоборство?

— Ты будешь со мной бороться. Со мной и с моими воинами или со мной одним. Выбирай!

Рэд Фокс попытался отделаться смехом, но только какой-то лающий звук вырвался из его груди.

— Ты хочешь указывать мне, мой мальчик?

— Я сказал.

— Ну пусть будет так, как ты хочешь, собака! Приходи с оружием, я согласен. Я согласен! Через шесть дней я буду тут! — и Рэд Фокс рассмеялся уже по-настоящему своим резким грубым смехом. — Хе, мальчик, я согласен! У тебя нет пороха и пуль. А твой ножичек и твои стрелы для меня не страшны. Так что приходи. Приду и я, тоже приду один. — Он снова полез во внутренний карман. — Вот скальп Матотаупы! К нему добавится твой! Так пойдет?

— Мы будем бороться.

— Пусть так, мой Гарри.

Рэд Фокс приподнялся на стременах и с усмешкой, предвкушающей победу, махнул шляпой. Он круто повернул коня и поскакал назад, на юг, в простор прерии.

Оба его спутника были озадачены таким поворотом дела. Какое-то время они с недоумением и злобой смотрели на дакотов, потом тоже повернули коней и на почтительном расстоянии последовали за своим повелителем.

Делавар слышал глухой стук копыт, видел развевающиеся лошадиные хвосты. Всадники становились все меньше и меньше. Вот они достигли своих. Шунктокеча точно видел, как они спешили, затем они стали неразличимы и для его острого глаза.

Продолжение следует

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

Как ветер — облака,
Шальная река
Волны мчит.
На берегу
Тополь в пуху
Будто спит.

Снится ему
В огне и в дыму
Грозный бой.
Тополь стоит,
Тревожно шумит
Над водой.

*Света Степанова,
6 класс,
с. Удельные Уты
Брянской области*

Оформление
Б. Петрушанского

ОСЕННЯЯ ВСТРЕЧА

СЕРИЯ 23

Гостя киноклуба
режиссер
Д. А. Асанова

КИНОКЛУБ ОТВЕЧАЕТ НА ПИСЬМА

КТО С ЛЮБОЙ?

В киноклуб пришло письмо: «Я посмотрела фильм „Не болит голова у дятла“. Я вас очень прошу — найдите режиссера Д. Асанову и передайте ей мое письмо. Пусть она ответит на все вопросы. Пожалуйста! Я вас очень-очень прошу!!! А если вы не выполните мою просьбу, не знаю, что будет. Я разочаруюсь в людях! Вот! Я вас очень-очень прошу!

Люба Иванова, Ростов».

Нет, никак нельзя допустить, чтобы человек разочаровался в людях. Пришлось отправиться на киностудию «Ленфильм».

— Асанова в павильоне, на съемках нового фильма, — сказали мне.

— Режиссер на просмотре отснятого материала, — ответили через несколько часов.

Наконец, поздно вечером Динара Асановна закончила самые срочные дела. Устало опустилась на стул. И мы вместе начали читать первые строки: «Динара Асановна! Вы сделали замечательный фильм. Мне он так понравился, так понравился! И как Муха в пруд за талисманом прыгал, и как Батон в классе в ластах шлепал. А как Севка-то на голове стоял на лестничной площадке! Вот смех!..»

— Что-то я не понимаю, — удивилась режиссер. — Разве то, о чем говорит Люба, самое главное в нашем фильме? И разве только ради этого мы его снимали?

И мне, и сценаристу Юрию Клепикову, и всем, кто делал эту картину, хотелось сказать сверстникам Севы Мухина, Иры Федоровой, Булкина — будьте внимательнее друг к другу. Приглядитесь, может быть, и среди вас есть люди, так же страстно одержимые своей мечтой, как Муха, так же преданные ей и умеющие быть беззаветно верными в дружбе. Посмотрите, не сидит ли за одной партой с вами такой вот Батон, отчаянный парень и хороший друг, весельчак, которому совсем не всегда хочется балаганить. Я рада, что моими единомышленниками в работе были члены съемочной группы, в том числе, конечно, и юные актеры.

— Да, прекрасно играют ребята, — согласилась я. — Вот и Люба пишет: «Я им даже позавидовала. Ведь как это интересно — сниматься! Я думаю, что это не так уж трудно: вышел на съемочную площадку, сказал слова своей роли — конечно, выразительно; нахмурился или засмеялся — что там по роли положено, — и все дела. А не получилось — можно и дубль сделать, да не один...»

На этот раз Динара Асановна даже рассердилась.

— Нет-нет, — запротестовала она. — Ребятам нашим было совсем не легко. И труднее всех, пожалуй, Саше Жезляеву, исполнителю роли Севки Мухина. Остальных ребят мы подбирали на роли задолго до начала съемок. Сашу Богданова — Батона — «нашли» в метро. Несколько месяцев Саша совмещал съемки с занятиями в профессионально-техническом училище.

Лену Цыплакову я увидела однажды у своих знакомых. Это было задолго до съемок. На эту роль у нас было немало претендентов, но мы дружно остановили свой выбор на Лене и рады, что не ошиблись.

А Сашу Жезляева утвердили на роль Севки Мухина буквально накануне съемок. Ему надо было стремительно войти в ритм жизни нашей съемочной группы. Было и еще одно очень серьезное препятствие. Как вы понимаете, Севка Мухин — музыкально одаренный парень, мечтающий стать ударником в джазе. А у нашего Сашки музыкальный слух почти отсутствовал.

И вот он начал ежедневные тренировки. Он учился ритму. Он слушал и смотрел, как играют ударники в оркестрах. Он барабанил на настоящих инструментах настоящими палочками, он отстукивал мелодии ладонями по портфелю, кончиками пальцев — на крышке стола.

Вы помните начальные кадры фильма? Руки, четко, легко и свободно отбивающие ритм на ударном инструменте? Это его, Сашины, руки, и это его настоящая большая победа.

Мне очень хотелось, чтобы ребята-исполнители не просто выходили к кинокамере и более или менее естественно произносили необходимые слова (так, как это себе представляет Люба). Мне хотелось, чтобы каждый юный актер понял своего героя — его характер, привычки, мотивы поступков.

Мы сразу решили: заучивать тексты ролей ребята не будут. Пусть говорят за героев фильма своими словами, сохраняя лишь смысл, содержание реплик.

Нам очень помогал в работе... наш город. Весь фильм мы снимали здесь, в Ленинграде. А в свободное время часто бродили по городу с Леной и обоими Сашами и разговаривали — о нашем фильме, о Севке Мухине, об Ире и Батоне, о чем угодно!

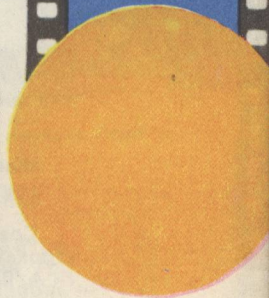
— Чуть не забыла! — воскликнула я. — Люба ведь и юным исполнителям написала. Вот письмо:

«Дорогая Лена Цыплакова! Дорогие Саша и Саша! Мне очень понравилось, как вы играете. Напишите мне ваши адреса и пришлите свои фотографии (каждого по четыре штуки)».

И снова нахмурилась Динара Асановна:

— Нет. Такое письмо я передавать не стану. Какая польза актерам от такого письма? Люба не сказала самого главного — что же ей так понравилось в филь-

ме, в игре ребят. А просьбы об адресах и фотографиях... Представьте, сколько в стране зрителей, которые посмотрели нашу картину?! Если каждый попросит по фотографии, да еще захочет переписываться с ребятами, им, пожалуй, придется открывать на дому почтовое отделение...

...Вот такой разговор был у нас с Динарой Асановной Асановой. О нем мы рассказали и Любе. А недавно получили от нее новое письмо, много короче первого: «Здравствуйте, кино клуб. Я иду в кино. Буду снова смотреть фильм «Не болит голова у дятла». Хочу над ним подумать».

Кто с Любой?

М. ПАВЛОВА

«Когда будет проходить очередной московский международный кинофестиваль для детей?»

Наташа Фадеева, Иркутск

Такой кинофестиваль проводится в Москве во время взрослого Московского кинофорума. X Международный кинофестиваль будет проведен в нашей столице в 1977 году, тогда же на Ленинских Горах будет проходить и детский кинопраздник.

«Я хочу стать актрисой. Достаточно ли восьми классов для поступления в театральный вуз?»

Ира Ясинская, Дзержинск

Для поступления в театральные вузы и во ВГИК необходимо окончить среднюю школу.

«Расскажите, пожалуйста, о создании фильма «Неуловимые мстители», об актерах, исполнивших главные роли».

О. и Т. Якимовы, поселок Малиновский Советского района Тюменской области

В «Костре» № 4 за 1972 год уже был напечатан материал о «неуловимых мстителях». Исполнители главных ролей ответили на письма наших читателей, рассказали о создании фильма.

«Как снимают кино и где его снимают?»

Валя Трофимова, поселок Полевой Свердловской области

Создание фильма — дело очень сложное. Трудно рассказать о нем в нескольких строках. Мы рекомендуем тебе и всем ребятам, интересующимся кино, прочитать книги А. Власова и А. Млодика «Тихо! Идет съемка!» (1960 г.) и «Волшебное окно» (1963 г.).

«Я не выговариваю букву «р». Может ли это быть препятствием на пути к актерской профессии?»

Вера Иванова, Ленинград

Актер обязательно должен иметь хорошую дикцию. Мы советуем тебе обратиться к врачу-логопеду, который поможет исправить дефекты речи.

Произноси дома скороговорки с буквой «р» — вроде: «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет», «Тридцать три пирога с пирогом, все с творогом».

ВСЕМ РЕБЯТАМ, ПРИСЫЛАЮЩИМ НАМ ПИСЬМА БЕЗ ТОЧНЫХ И ПОДРОБНЫХ АДРЕСОВ, ИМЕН И ФАМИЛИЙ

Вы, наверное, с нетерпением ждете ответов. Но кому их послать? Сообщаем, что все безадресные и безымянные послания сданы в архив. Ответов на них мы при всем желании дать не можем.

Ладить с вами, великанами, хочу,
Только это мне пока не по плечу,
Потому что, хоть и очень хороши,
Да уж больно вы большие малыши!

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

На обложке рисунок А. Ивашенцевой

Тут его и ждала Лисавета. Она бросилась, но удивилась на лету. Уж очень непривычен был вид Гоши. Это Гошу и спасло. Лисавета успела только цапнуть его за хвост.

— Иш-шь какая! — прошипел Гоша с высокой ели.

Оглядел он себя, а кончика нового белого хвоста нет как нет. Пришлось опять сканать по деревьям к Туку. Тот надвинул на лоб иголки и немного подумал.

— Заплату поставим. Только белого меха нет. Черный будет.

С той поры у всех горностаев кончик хвоста — черный.

Л. САПРЫГИНА

Рисунок А. Орлова

БОЛТЛИВЫЕ ЛИСТОЧКИ

За окнами в садочке
Который день подряд
Болтливые листочки
О чем-то говорят.

Сказать один захочет —
Все раскрывают рот.
Ни запятых, ни точек
Никто не признает.

И даже опадая
На землю в октябре,
Они еще болтают,
Летая во дворе

Т. ЗОЛОТУХИНА

Вот такое стихотворение выучила Галя:

АРИФМЕТИКА

Говорит Сурок Ондатре:
„Раздели четыре на три.
Ну, а ты, Хомяк, изволь —
Пятьдесят умножь на ноль!“

ВЕЛИКАНЫ-МАЛЫШИ

Хороши вы, великаны-малыши!
 Подружился бы я с вами от души.
 Подружился, поиграл бы хоть сейчас,
 Да навряд ли что получится у нас.

Жирафенка запятнать бы я не смог:
 Не догонишь, до того он длинноног.
 Да и прятки с ним затеять ни к чему:
 Шея длинная, не спрятаться ему.

Покатал бы я слоненка на спине,
 Да — какое! Не поместится на мне.
 Побаюкал бы китенка-сосунка,
 Да раздавит он меня наверняка.

Рисунок А. Орлова

7

— Правильно, отпразднуем! — обрадовался Степа. — Я мел в окно не буду бросать! На уроках болтать не буду! В подарок!

— Разве это подарок? — удивилась Оля. — Так всегда надо себя вести. А вот Галя новое стихотворение выучила.

— Галя, прочти! — закричали все.

— Нет, — ответила Галя. — Я его на пятой странице прочту.

ПОЧЕМУ У ГОРНОСТАЯ КОНЧИК ХВОСТА ЧЕРНЫЙ

СКАЗКА

Горностаю Гоша увидел однажды Белую Норку. И до того ему понравилась ее красивая белая шуба, — глаз отвести не может. Смотрит на нее, шипит и тявкает:

— Хорош-ша ш-шуба! Аф! Аф, хорош-ша!

Горностаю — они и шипеть могут, и лаять.

Поскакал Гоша к портному. С дерева на дерево, с ветки на ветку. До того размечтался о шубе, что даже лису Лисавету не заметил. Кончиком хвоста по носу ее задел, когда перебежал по земле. Лисавета от удивления так и села на задние лапы. А потом помчалась за Гошей.

Прибежал Гоша к домику лесника. Нырнул под крыльцо. Там, в тишине и покое, жил ежик Тук.

— Аф! — поздоровался Гоша. — Спеш-шу. Ш-шубу не сош-шьешь?

Тук повозился, поворчал, пофукал, но шить все же взялся. Он вытащил самую большую свою иголку, семь раз отмерил, один раз отрезал, сделал ровно сто мелких стежков, и пышная белая шуба была готова. Гоше она пришлась впору. Он пошипел в знак благодарности и выскочил наружу.

3

Рисунок Э. Копыловской

Наступил октябрь. Снова собралась октябрьская звездочка.

— Знаете, — спросил Уголек, — какой в октябре праздник?

— Знаем, — ответил Глеб, — двадцать лет назад наша страна запустила первый спутник.

— Не двадцать, а девятнадцать, — поправил Глеба Уголек.

— А еще, — сказала Галя, — девятнадцатого октября будет лицейская годовщина. В этот день Александр Сергеевич Пушкин начал учиться в лицее. И потом всю жизнь он и его друзья в этот день старались быть вместе. Вспоминали товарищей и учителей.

— И у наших учителей в октябре праздник, — добавил Уголек. — День учителя. Надо его отпраздновать.

2

Делит Дикая Лошадка
 Семь на восемь — без остатка.

Крокодил жует тетрадь:
 Не умножить два на пять.

Наконец-то стихли звери,
 Не бросают тряпкой в двери,

Не подсовывает Мышку
 Шимпанзе Слону под мышку.

Все скрипят пером и мелом,
 Все молчат, занявшись делом.

Рисунки Е. Троицкого

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

Сегодняшний тур выявит, кому будут вручены награды. Участвовать могут все финалисты.

Условия: шесть позиций по десять баллов. 25 шахматистов и 25 шашкистов, набравшие больше баллов, будут награждены дипломами и памятными призами. При равном числе баллов преимущество отдается лучше выступившим в разрядных турах.

Внимание! Не добравшие до разряда 10 очков возместят их, решив все шесть сегодняшних позиций.

Как отправлять рапорт и полученный от Ферзьбери конверт, уже известно. Рыцари, на старт!

Турнир шахматистов.

А. Белые: Kph1, Фf4; черные: Kpe1, Cd1, Ka1, пп. d7, e2.

Б. Белые: Kph3, Фb7, Лf3, Лg6, Сg1, Кf2, пп. b6, f5; черные: Kpe5, Лd5, Сf8.

В. Белые: Kpe4, пп. d5, e2; черные: Kph2, пп. b6, d6, h6.

Г. Белые: Кра4, Cd5, Ка6, Кс6; черные: Кра8, Лg2, п. e2.

Д. Белые: Kph5, Са8, пп. a6, a7; черные: Кра5, Ла1, п. h2.

Е. Белые: Kpg4, Лd3, п. g2; черные: Kph2, Кd1, пп. c3, d4.

Требуется показать: А и Б — во сколько ходов дается мат? В — у черных лишняя пешка... Чем закончится игра? Г — мат в 3 хода. Д — чем закончится игра? Е — могут ли белые выиграть?

Турнир шашкистов.

А (Владимир Химерик, Киев). Белые: a3, b6, c5, e1, e3, f2, g3, h2; черные: a5, a7, c3, c7, d8, f8, g7, h6.

Б. Белые: a1, d4; черные: d2, f2.

В. Белые: b2, c3, c5, d2, f2, g1, h4; черные: a3, a5, c7, d6, e7, g7.

Г. Белые: b2, c1, c3, e1, e3; f2; черные: a3, c5, c7, d4, e5, e7, g7.

Д. Белые: d6, e5; черные: a5, b6, d8.

Е. Белые: Д. f8, пр. e1, f2, f4, g3; черные: Д. a1, пр. a3, b2, f6.

Задание. А — белые сыграли 1.

сд6. Чем закончится игра? Б, В, Г — спасутся ли белые? Д, Е — могут ли белые выиграть?

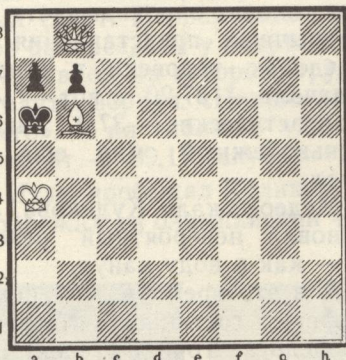
УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Когда все задания призового тура были выполнены, рапорты отосланы и наступили дни томительного ожидания ответа Ферзьбери, Никита Зувев сказал:

— Вот скучища-то! Пospорить бы, что ли?

— Это дело! Но о чем? — заметил Боря Гезон.

Тогда Юра Селявкин, почетный арчебековец из Воронежа, без лишних слов поставил свою задачу:

— Во сколько ходов мат?

Глаза спорщиков загорелись. Закричали хором:

— В три! В два! В три! В два!

— В один! — это пропищал пробравшийся в Уголок Сеня Кульков, но его сразу выставили за дверь, чтобы он своим неразумным вмешательством не сбивал старших.

И что же оказалось? Прав-то был Сеня! А кто ответит — почему?

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Получай последнее боевое задание перед переводом в рыцари. У тебя

уже немало побед, а сейчас сможешь одержать еще одну. Да какую эффектную! Над кем же? Над таинственным и невидимым противником, играющим против тебя черными.

Белые: Kph1, Фg2, Лf1, Kb4, пп. a5, b5, g3, h2; черные: Kpb8, Фh3, Сb7, Кd6, Kg4, пп. a7, b6, c7, g6, h7.

Противник твой уже торжествует: он угрожает объявить мат, связал твоего ферзя... И в этот момент ты наносишь ему сокрушительный удар. Итак: несколько хороших ходов — и черному королю мат!

Сначала отправишь рапорт. Затем — просьбу о переводе в рыцари и свой «Листок учета», отметив в нем все завоеванные очки. Шахмат-адмирал пришлет тебе ответ. Жди!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так.

Турнирные. Шахматы — А. 1. a5 Cf8 2. Kpd5! Ch6 3. g5+! C:g5 4. Kpe4! Ch4 5. Kpf3 и пешка неударжима. Б. В 3 хода: 1. Ch2! d5 (d6 2. Лb3) 2. Лg3! Шашки — А. 1. g3 2. a5—b4! g3 3. c5X. Б. 1. g5! 2. e3X.

Оруженосцам. Победа возможна: 1. Kpc7 a4 2. b6 a3 3. b7 a2 4. b8Ф a1Ф 5. Фh8+. Остальное ясно.

Книга жалоб. Белые продолжают — 5. Cd5! Ф:d5 6. Фс3+ и т. д.

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

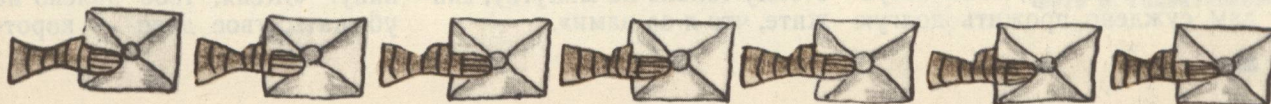
§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 15 декабря.

§ 2. Жюри подвести итоги Олимпийского турнира и турнира оруженосцев и опубликовать их в апреле.

§ 3. Выполнявших классификационные нормы представить к присвоению спортивных разрядов, а победителей Олимпийского турнира награждать.

§ 4. Всем участникам обоих турниров объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

„МОЛНИЯ“ НА ЛЬДУ

Этот фейерверк мировых рекордов будет еще долго жить в памяти. Медео, 15 марта 1975 года. Матч СССР — Норвегия. Дистанция 500 м. У старта рекордсмен мира норвежец Лассе Эфшин и соавтор рекорда Евгений Куликов. Выстрел — и спортсмены рванулись вперед.

В первые же мгновения Эфшин безнадежно отстал. А Куликов уже у последнего поворота. Там стоит его тренер Павел Павлов и что-то кричит, размахивая секундомером. От пляски цифр на табло щемит сердце. Но вот они отплясали. Замерли. Все. 37,99. Есть мировой рекорд!

К Евгению бросились тренеры, знакомые и незнакомые люди, хлопают по плечу, обнимают. Все какие-то ошеломленные и возбужденные. Норвежский фоторепортер — борода клинышком, сигарета во рту — выскочил на лед, упал, хотел встать — не получилось и лежа щелкал и щелкал Куликова. А тот от радости и смущения натянул на глаза шапочку и смешно мотал головой.

37,99. Кажется, этим секундам суждено прожить долгою

жизнь. Но сам Евгений думал иначе. И на следующий день «сбрасывает» со своего рекорда еще две сотые секунды. Двухнедельная пауза, и спринтер вновь опрокидывает все привычные представления о пределах человека в спорте. Сначала — 37,20, и вот — уже фантастические — 37,0. Такого конькобежный мир еще не знал.

Медео искало Куликова. Установил невероятный рекорд и — как в воду канул.

А в это время в маленьком буфете гостиницы томилась очередь за горячим чаем. Последним в очереди стоял Куликов. Девочка из алма-тинской спортивной школы, захлебываясь от волнения, шептала подруге: «Ой, что было, что было! По льду он летел как молния. По фамилии Куликов. Не знаешь его?»

Когда репортеры нашли его и сказали: «Женя, ты теперь звезда, как Схенк, как Майер, как Эфшин, Женя, давай интервью!» — Куликов засмутился и сказал, обращаясь к юным спортсменкам: «Девочки, я отойду только на минутку, скажите, что я за вами».

Кто же он, этот ниспровергатель мировых рекордов?

Родился в городе Богдановичи Свердловской области. Коньками увлекся, когда учился в четвертом классе. Пришел как-то домой. Грязь на щеке и на носу. Шершавые, потрескавшиеся до крови руки. Разорванная промокшая куртка.

— Что с тобой, в прорубь, что ли, попал? — заволновалась мать. — И почему такой радостный? — И тут увидела в руках сына старые ржавые коньки.

— Мам, я каток помогал заливать, утром увидишь, как буду тренироваться.

— Зачем это тебе нужно?

— Чтобы научиться бегать быстрее всех в нашем городе!

— Ну, а потом?

— А потом быстрее всех в Советском Союзе.

— А потом?

— Быстрее всех в мире, мам...

С первым тренером ему повезло. После нескольких занятий Альберт Андреевич Демин сказал своему худенькому ученику: «Женя, тебе далеко не убежать, твое дело — корот-

кий бег, будем учиться спринту».

Однажды в Свердловск на всесоюзные соревнования съехались все конькобежные звезды Советского Союза, и Альберт Андреевич сбился с ног. Такой случай! Надо немедленно уговорить их приехать на денек в Богдановичи, выступить на Мемориале Григория Кунавина, Героя Советского Союза, бывшего конькобежца.

Звезды к предложению Альберта Андреевича отнеслись недоверчиво. Во-первых, и так сплошные тренировки и ни одного свободного дня. А во-вторых, стоит ли ехать в какой-то районный городок, чтобы выступать на плохоньком катке. Но четырехкратная чемпионка мира Инга Артамонова сказала: «Надо ехать обязательно. Может быть, наше выступление в этом самом городке приведет в спорт будущего чемпиона...»

Инга оказалась права, именно в тот день в Мемориале Кунавина взял свой первый старт в жизни маленький человек из 5 «а» Женя Куликов...

Именно с этого старта началась его спортивная жизнь — нелегкие годы труда и мужества. А потом наступили звездные часы. Первый — на Медве, в дни установления фантастических рекордов. Второй — на Зимней олимпиаде в Инсбруке. ...Утром в день старта в Олимпийской деревне разнеслась тревожная весть: в лагере больных гриппом прибавил-

ся Евгений Куликов. Неужели не сможет стартовать наша главная надежда в спринте? Перед забегами на «Айс стадионе» выяснилось: Куликов заявлен в третьей паре. Тренер сборной спринтеров Константин Кудрявцев сказал:

— Да, вчера у Жени было 38. И сегодня есть температура. Сколько? Не мерили. Ни к чему. Решили, что побежит. Он сам так решил.

И вот над стадионом пропели фанфары. Началось. Куликов заявлен в первую группу. Здесь грозные соперники: американец Петер Мюллер и один из братьев Гранатов — Юхан. Почему Куликов оказался в первой группе? Ведь начинать всегда невыгодно: остальные берут твоё время за ориентир. Сам он объяснил так: «Вот сразу выстрелю, потом пусть разбираются». В данной ситуации решение оказалось правильным вдвойне — больному ждать очереди куда тяжелее.

Пробежал Мюллер. Плохо он пробежал, не его это время — 39,57. Наши тренеры забеспокоились: может, лед не катит? Теперь очередь Куликова. Стадион в ожидании — бежит главный фаворит. Мощный старт. Первая сотня метров быстрее, чем у американца. Кудрявцев, на которого трудно угодить, ворчит: «Ничего хорошего». А на табло — уже результат — 39,17 секунды.

Итак, пробежал Куликов. Но пробежал ли олимпийский чем-

пион? Евгений подъехал к Кудрявцеву, сказал, словно между прочим: «Лед хороший. Сегодня надо было бежать на 38,6. «Буксанул» я немного».

— Да было, — сказал тренер. — Если бы не стал «вытирать ноги» на финише, выжал бы еще пять сотых.

— Наверное, в призерах буду, — спокойно ответил Куликов.

А Кудрявцев стал ждать забега шведа Граната. Кудрявцев человек выдержанный, его трудно вывести из равновесия, а точнее — почти невозможно. Но даже он после забега Граната подпрыгнул, вскинул руки вверх и прокричал неопределенное: «О-о-о!» Еще минуту назад он побаивался, как бы швед не сдвинул на световом табло фамилию Куликова на ступеньку ниже, а сейчас махнул рукой и сказал: «Теперь никто, кроме наших ребят, Женю с места не сдвинет», — и подошел к тренеру шведского спринтера:

— Что, Юхан Гранат болен?

— Болен, — ответил тот.

— Грипп?

— Нет, — сказал зло шведский тренер. — Нервы!

Конечно, Куликов мог выиграть Олимпиаду, а мог и проиграть. Спорт есть спорт. Но разве есть еще человек, который имел бы сегодня больше оснований для победы, чем он — самый быстрый конькобежец планеты?

В. КОРДОВСКИЙ

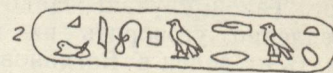
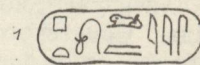
Фото В. Галактионова

КНИГА О ВЕЛИЧИИ ПРОШЛОГО И ОБ УПОРСТВЕ НАШИХ СОВРЕМЕННОКОВ

Это первые иероглифы, которые расшифровал Шампольон

Жил на свете человек. В семнадцать лет его избрали членом французской Академии, один император приблизил его к себе, другой объявил государственным преступником... Но, начиная со школьной скамьи, он знал, что должен сделать в жизни, и шаг за шагом приближался к этой цели. Он дал себе слово расшифровать египетские иероглифы.

Через желтые пески катит мутные воды река Нил. Много тысяч лет назад на ее берегах процветало могущественное государство. Зеленели необозримые поля, среди них высились величественные дворцы и храмы, а над ними нависали циклопические, похожие на горы, погребальные сооружения — пирамиды. Как жил, чему поклонялся, с кем дружил и с кем воевал народ, создавший это государство? На каменных храмовых стенах, в темных коридорах внутри пирамид, на папирусных свитках в дворцовых библиотеках он оставил многочисленные тексты и надписи. Казалось бы, из них можно узнать все. Но — увы! — надписи молчали: значки, которые покрывали папирус и камень, не понимал никто. Тысячи

лет тому назад умерли последние, кто умел превращать их в живую речь...

Семнадцатилетнего академика звали Жан Франсуа Шампольон. Готовясь к расшифровке иероглифов (так назывались таинственные значки), он изучил арабский, сирийский, халдейский, коптский языки. Даже древнекитайский он учил только для того, чтобы попытаться доказать его родство с древнеегипетским. И вот тому, кто трудился над тайной египетских иероглифов, наконец, повезло. В пустыне нашли камень, на котором было сразу три надписи, две написаны иероглифами, а третья — на греческом языке. В греческом тексте речь шла о почестях, которые жрецы собирались оказать царю Птолемею. «А что, если группа значков в древнеегипетской надписи, обведенная криволинейной рамкой «картушем», и представляет собой имя царя?» — подумал Шампольон. Эта счастливая мысль пришла ему в голову после долгих месяцев безуспешных попыток найти ключ к трем надписям. Ведь вполне логично предположить, что все они представляют собой

Рисунки
М. Беломлинского

Один американский режиссер снял фильм по роману Эрнеста Хемингуэя. Фильм вышел на экраны, и вскоре стало известно, что автор романа отозвался о фильме холодно.

— Этого не может быть, — несколько не смутившись, ответил режиссер, когда ему сообщили об отзыве Хемингуэя, — Мой фильм сделан прекрасно и в точности соответствует роману. Следовательно, Хемингуэй либо не видел фильма, либо не читал романа.

Известный композитор Игорь Стравинский давал авторский концерт, который проходил с большим успехом. В перерыве к Стравинскому подошел композитор Джордж Гершвин и попросил дать ему урок-другой. Гершвин добавил, что согласен заплатить за это сколько угодно денег.

— Каков же ваш годовой доход? — поинтересовался Стравинский.

— Сто пятьдесят тысяч долларов, — ответил Гершвин.

— Сто пятьдесят тысяч! — воскликнул Стравинский. — И вы еще хотите, чтобы я вас чему-то учил? Нет, это вы должны дать мне урок-другой!

повторение на разных языках одного и того же текста!

Мысль подписать под каждым знаком, составляющим в картуше имя «Птолемей», соответствующую букву и тем самым, наконец, отождествить знаки-иероглифы и буквы, дала в руки Шампольону восемь известных иероглифов. Но как доказать, что расшифровка верна? И тут ученый получает известие о том, что найден еще один камень, на этот раз с двумя надписями — египетской и греческой, в которых есть новый картуш. Шампольон читает его как имя царицы Клеопатры. А это уже победа: в греческом тексте в соответствующем месте стоит именно ее имя!

Древние надписи заговорили...

Эта история рассказана в книге чешского журналиста Керама о загадках археологии «Боги, гробницы, ученые».

История Шампольона не единственный увлекательный случай, описанный в ней. Можно предложить кому-нибудь на спор: найти на трехстах с лишним страницах хотя бы одну скучную историю! Не спорьте — проиграете. То, что рассказывает автор о находке и вскрытии гробницы Тутанхамона, о раскопках легендарного города Трои — все это скорее похоже на приключенческий роман. Впрочем, сам автор обозначил жанр книги как «роман археологии». И хотя он не предназначал его детям, каждый старший школьник теперь с увлечением читает его. Потому что за страницами книги Керама не только история человечества, за ними — мужество и упорство тех, кто сумел прочитать едва различимые следы на камне, папирусе и металле, оставленные нашими предками.

Книга «Боги, гробницы, ученые» издавалась в нашей стране много раз. Она ждет вас.

А. ЗАЙЦЕВА

ШКОЛА
МАШИ-ИСКУСНИЦЫ

ИСКУССТВО ДЕЛАТЬ ПОВСЕДНЕВНУЮ ПРИЧЕСКУ

Это искусство доступно всем. Совсем не обязательно быть мастером парикмахерского дела, чтобы самой уложить или даже немного подстричь перед зеркалом свои волосы.

Первый совет: чем короче и проще прическа, тем легче содержать ее в порядке, причесываться и мыть голову. Это относится и к девочкам, и к мальчикам, которые порой ради моды жертвуют опрятностью, а следовательно — и красотой.

Главное, чтобы прическа была вам к лицу. Не беда, если она будет не самой модной в классе. Неплохо, если она будет не такой, какую носит большинство подруг или друзей. Хорошо, если она будет непохожа на прическу взрослых. И совсем прекрасно, если прическа будет единственной, именно такой, какая вам нужна.

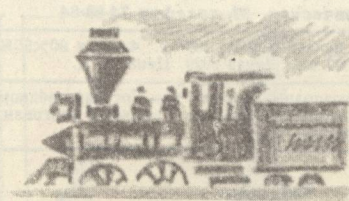
Модель для прически можно поискать в журналах. Предположим, вы нашли то, что вам нравится. Или вас ни одна прическа не удовлетворяет. И в том, и в другом случае все равно придется, сидя перед зеркалом, попробовать несколько вариантов причесывания и стрижки.

Американский писатель Брет Гарт ехал в поезде. Когда появился контролер, Брет Гарт принялся, все больше волнуясь, искать по карманам билет.

— Не беспокойтесь, — сказал контролер, — я верю, что билет у вас есть.

— Но я все равно должен его найти, и как можно скорее, — отозвался Брет Гарт. — Нужно же мне знать, до какой станции я еду.

Еще несколько советов: если вам кажется, что у вас слишком высокий лоб — сделайте челку. Если вам кажется, что у вас полноватые щеки — выберите прическу с прядями, опущенными на щеки. Если вам кажется, что у вас слишком выступают уши, стригите волосы ниже ушей или закройте уши прядями волос.

Длинные волосы в будние дни лучше заплетать в одну или две косички. Но можно стянуть волосы на затылке или на шее резинкой или уложить в узел, закрепив шпильками.

В заключение — наглядный пример: одна и та же девочка, совсем непричесанная, причесанная неправильно, и она же с аккуратной красивой прической. Чудесное превращение, не правда ли?

ИСКУССТВО БЫСТРО ПРИГОТОВИТЬ ЗАВТРАК СЕБЕ, МАМЕ, БАБУШКЕ И ВСЕЙ СЕМЬЕ.

Утром всегда приходится торопиться. А от того, каким будет завтрак, зависит, с каким настроением вы приметесь за учебу, а взрослые — за работу. Первые пробы и тренировки лучше провести не утром, а вечером, под руководством мамы или бабушки. Но если вы хотите подготовить сюрприз и в одно прекрасное утро удивить домашних превосходно приготовленным завтраком, лучше потренироваться с друзьями.

Можно даже устроить соревнование: кто быстрее и вкуснее приготовит завтрак на три — четыре человека. Программу соревнований можно разделить на две части, произвольную и обязательную, а чемпиона определить по наименьшей сумме мест. Меню произвольной программы будет зависеть от участника, а меню обязательной рекомендуем составить из следующих блюд.

ОВСЯНАЯ КАША. Налить в кастрюлю два стакана молока, добавить стакан воды, треть чайной ложки соли, две чайные ложки сахара и поставить кастрюлю на огонь. Когда молоко начнет закипать, уменьшить пламя, высыпать в молоко полстакана овсяных хлопьев «Геркулес» и, помешивая, варить десять — пятнадцать минут, пока овсянка не загустеет.

БУТЕРБРОДНЫЙ ТВОРОГ. 150 граммов свежего творога размешать с двумя-тремя столовыми ложками молока до однородной массы, посолить по вкусу. Затем эту массу можно заправить:

— чайной ложкой томатного пюре с мелко нарезанным луком, или

— мелко нарезанной ветчиной (50—100 граммов) с растертой долькой чеснока, или

— двумя ложками натертого на терке острого сыра, или

— одним крутым мелко нарезанным яйцом и петрушкой.

Массу можно намазать на свежий или поджаренный на противне, сковородке, в тостере хлеб.

Остается заварить чай, кофе или какао или разлить в стаканы сок. Завтрак готов.

Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 74-93-84

М-38383. Сдано в набор 5/VII 1976 г. Подписано к печати 30/VIII 1976 г. Формат 60×90¼
Печ. л. 8+обл. 8,8. уч.-изд. л. Тираж 560 000 экз. Заказ 2929. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, Кронверкская ул., 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Холод и жар тундры <i>фото В. Никитина</i>	1
В гостях у гаги <i>очерк В. Арро</i>	2
Тапса-нэ <i>рассказ Ю. Афанасьева</i>	5
Слово о геологе <i>очерк Ю. Шнитникова</i>	10
Стихи <i>Улуру Адо</i>	11
Барабан <i>журнал юнкоров оформление Г. Ковенчука</i>	12
Дежурю на льдине <i>очерк В. Стругацкого</i>	16
Голубой пушистый котенок <i>рассказ М. Глинки</i>	18
Послушайте! <i>стихи А. Крестинского</i>	23
„Моя путеводная звезда — Полярная“ <i>заметка Т. Васильевой</i>	26
Новости науки и техники <i>заметки В. Четкарева</i>	28
Морская газета Любить свою землю <i>очерк И. Сергича</i>	30 32
Большая оленья дорога <i>очерк Ю. Шесталова</i>	34
Стальной узел <i>очерк Н. Линко</i>	37
Стихи <i>В. Ледкова</i>	38
Путь через Миссури <i>главы из романа Л. Вельскопф - Генрих</i>	40 40
Киноклуб Уголёк <i>журнал для малышей</i>	54 57
Арчебек <i>шахматы и шашки</i>	59
„Молния“ на льду <i>очерк В. Кордовского</i>	60
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА Уголок веселого архиварюса	62 62

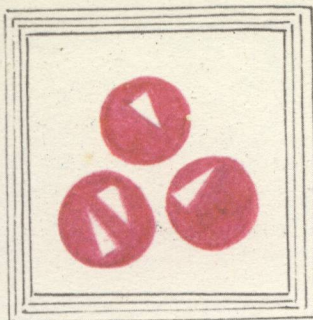
Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Составил
и оформил
В. Уфлянд

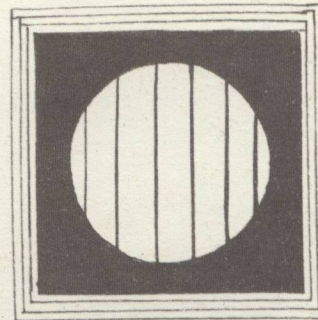

Опять за дверью холодина,
С деревьев падает листва,
Но весело трещат дрова.
А мы уселись у камина,
У нас идет игра «Кострина»,
Осенний выпуск № 2.

Загадка Альбины Федоровой из города Чебоксары. Когда человек находится дома без головы?

8
9

Загадочный рисунок Хуссейна. Что это такое?

Загадка, присланная Людой Кузнецовой из поселка Александровка Кустанайской области. Сколько надо букв «Г», чтобы получить большую кучу сухой травы?

10
11

Загадка, присланная Мариной Лукиной из города Валдгейм Еврейской авт. обл. Что будет с белым шелковым платком, если его опустить на дно Красного моря?

Впервые мы организовали «Кострину» в прошлогоднем 10-м номере «Костра». Наши читатели обрадовались возможности лишней раз повеселиться и, главное, прислали нам новые загадки.

Напомним правила игры. Каждый по очереди читает вопрос. Остальные предлагают свои ответы. Ответы не обязательно должны быть правильными, но обязательно смешными. Если засмеялись все присутствующие, за ответ начисляется 10 очков. Если засмеялось больше половины присутствующих — 5 очков. Если, кроме отвечающего, засмеялся еще хотя бы один человек — 1 очко. Если, кроме самого отвечающего, никто не засмеялся — 0 очков.

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ — В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «КОСТРА».

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 9.

1. Число 24. Все верхние числа представляют собой удвоенную разность между двумя нижними.

2. Фигуры № 3, 1 и 4, 2 и 5 являются зеркальными отражениями друг друга.

3. Изображения расположены по принципу чайнворда: последняя буква названия животного является первой буквой следующего названия. Не хватает зубра и леопарда.

4. Число возможных маршрутов равно числу перестановок из 11 элементов, то есть произведению чисел от 1 до 11. Это произведение сокращенно обозначается 11(!) «одиннадцать факториал», что равно 39 916 800. Кратчайший маршрут будет таков: школа — химчистка — кино — почта — булочная — канцелярский магазин — обувная мастерская — бассейн — библиотека — овощной магазин — тир — клуб «За семью печатями». Это составит примерно 1400 метров.

Загадка нашего читателя Сурановича из поселка Сельцо Брянской области. [К сожалению, он забыл написать свое имя].

Когда человек идет по мосту, что у него под ногами?

Загадка, присланная многими ребятами. На какой вопрос нельзя ответить «да»?

12
13

Загадка, присланная Алей Айдиновой из Петропавловска Казахской ССР. Тройка проскакала 12 километров. Сколько проскакала каждая лошадь?

Загадочный рисунок Гнома-Гастронома. Что это такое?

14

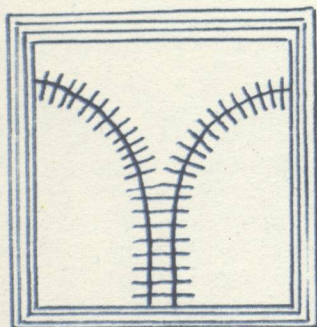
1 Загадочный рисунок Демьяши. Что это такое?

2 Задача Гнома-Гастронома. Что получится, если вареную картофелину разрезать сначала на две части, потом каждую половину еще раз на две части, потом каждую часть еще пополам, потом еще раз пополам и еще раз пополам?

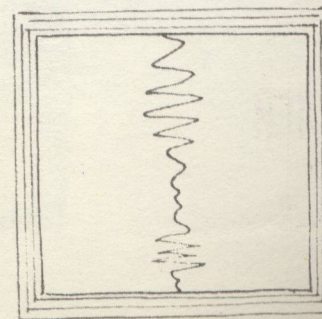
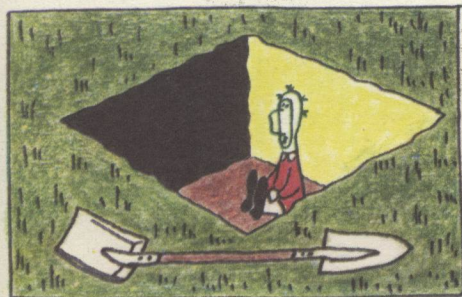
3 Загадка, присланная Леной Голик из города Алексеевка Белгородской области и Оксаной Тимченко из города Балаково Саратовской области. Если в 12 часов ночи идет дождь, то можно ли ожидать, что через 96 часов будет солнечная погода?

4 Вопрос Хуссейна. Как с помощью термометра измерить высоту Останкинской телебашни?

5 Загадочный рисунок Сиволапыча. Что это такое?

6 Загадка, присланная Наташей Лагуновой из Ленинграда. Сколько тонн земли нужно будет вынуть из квадратной ямы шириной и глубиной 2 метра?

„Проводы“

Костя Федоров, 13 лет

Скала „Три брата“
Игорь Гужов, 12 лет

**РИСУНКИ
НАШИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ**